

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 46 НОЯБРЬ 1976

МОСКВА, 9 НОЯБРЯ 1976 ГОДА

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 7 НОЯБРЯ 1976 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

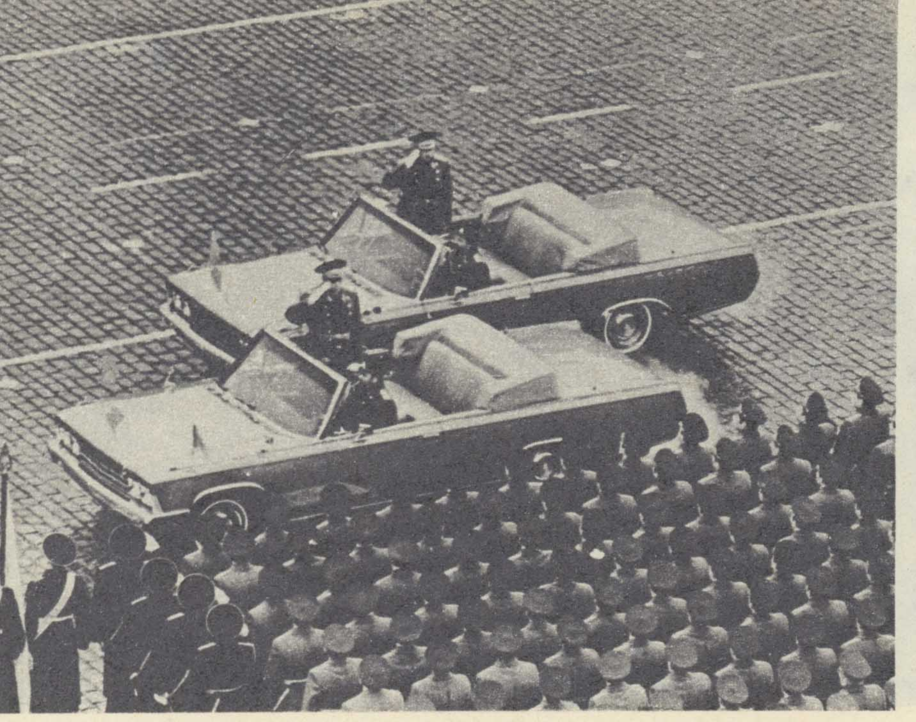
№ 46 (2575)

13 НОЯБРЯ 1976

Фоторепортаж с Красной площади вели Дм. Бальтерманц, А. Гостев, А. Награльян.

59

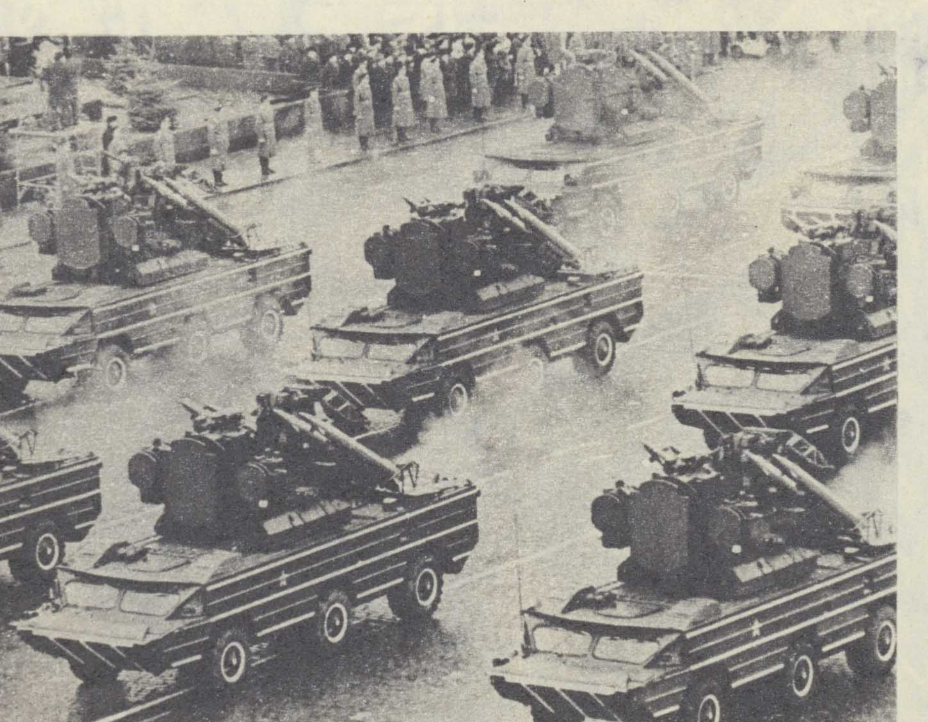

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

7 НОЯБРЯ 1976 ГОДА

Москва, Кремлевский Дворец съездов. 5 ноября 1976 года. В президиуме торжественного заседания, посвященного 59-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. Гостева.

Перед началом переговоров.

БРАТСКИЙ СОЮЗ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 9 ноября в Москву с официальным дружеским визитом прибыла партийно-государственная делегация Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП товарищем Эдвардом Тереком.

На Белорусском вокзале, украшенном государственными флагами ПНР и СССР, товарища Э. Герека, членов делегации тепло и сердечно приветствовали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, другие официальные лица.

9 ноября в Кремле начались советско-польские переговоры. В них приняли участие:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, члены ЦК КПСС — заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, М. А. Лесечко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, посол СССР в ПНР С. А. Пилотович;

НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ

М. Н. Алексеев

М. И. Бердзенишвили

А. И. Гельман

Зульфия

Д. Н. Кугультинов

Е. П. Леонов

А. П. Петров

Ф. С. Хитрук

Г. Г. Эмин

А. Я. Эшпай

Фото А. Гостева.

с польской стороны — Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР П. Ярошевич, член Политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП З. Грудзень, член Политбюро ЦК ПОРП, министр иностранных дел ПНР С. Ольшовский, кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР Т. Вжащик, секретарь ЦК ПОРП Р. Фрелек, председатель Главного комитета Объединенной крестьянской партии, маршал сейма ПНР С. Гуцва, председатель ЦК Демократической партии, заместитель Председателя Государственного совета ПНР Т. Млыньчак, председатель главного правления Союза польских писателей Я. Ивашкевич, член ЦК ПОРП, посол ПНР в СССР З. Новак.

В канун празднования 59-й годовщины Великого Октября состоялось присуждение Государственных премий СССР 1976 года в области науки и техники; за выдающиеся достижения в труде передовикам социалистического соревнования; в области литературы, искусства и архитектуры. В числе лауреатов Государственных премий СССР в области литературы, искусства и архитектуры: АЛЕКСЕЕВ Михаил Николаевич, писатель, — за роман «Ивушка неплакучая»; БЕРДЗЕНИШВИЛИ Мераб Исидорович, заслуженный художник Грузинской ССР,— за памятник в честь 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне (г. Марнеули); ГЕЛЬМАН Александр Исаакович, автор сценария, ЛЕОНОВ Евгений Павлович, народный артист РСФСР,— исполнитель роли,— за художественный фильм «Премия»; ЗУЛЬФИЯ (Исраилова Зульфия), народный поэт Узбекистана, — за книгу стихов «Строки памяти» и цикл «Радуга»; КУГУЛЬТИНОВ Давид Никитич, народный поэт Калмыцкой АССР, — за книгу стихов «Зов апреля»; ПЕТРОВ Андрей Павлович, народный артист РСФСР, композитор, — за оперу «Петр I» в Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова; ХИТРУК Федор Савельевич, заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер-постановщик, — за мультипликационные фильмы: «Фильм, фильм, фильм...», трилогию о Винни-Пухе, «Остров», «Дарю тебе звезду»; ЭМИН Геворг Григорьевич, поэт, — за книгу стихов «Век. Земля. Любовь»; ЭШПАЙ Андрей Яковлевич, народный артист РСФСР, композитор, — за кантату «Ленин с нами» (на стихи В. Маяковского) и Второй концерт для фортепиано с оркестром.

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Владимир **НИКОЛАЕВ**

20 января 1977 года Джеймс Эрл Картер примет присягу и станет тридцать девятым президентом США. Позади длительный и дорогостоящий американский избирательный марафон. Он продолжался восемь с лишним месяцев, начавшись с первичных выборов. На его проведение, главным образом на выступления по телевидению и радио, кандидаты израсходовали 120 миллионов долларов. В результате демократ Картер одержал победу над республиканцем Фордом. Как известно, между политическими платформами обеих ведущих буржуазных партий США трудно провести четкое различие. Исход выборов решали другие факторы.

На обложке популярного в США еженедельника «Тайм», вышедшего первого ноября, то есть в канун президентских выборов, крупно набраны два вопроса: «Так ли все хорошо, как говорит Форд?», «Так ли все плохо, как говорит Картер?». Этим самым журнал подводил общий итог избирательной кампании и выражал суть высказываний обоих кандидатов. Действительно, Картер поставил вопрос так: «Того, чем мы прежде так гордились, — могущества нашей страны, ее моральности, отражения в иностранных делах идеалов, за которые стоит наш народ, и принципов, которые отстаивает наша конституция,— всего этого теперь уже нет».

В ходе избирательной кампании Картер удачно играл на недовольстве американцев тем, что принесла им республиканская администрация. В стране насчитывается примерно десять миллионов безработных, растет инфляция. Америку потрясает один политический скандал за другим. В результате печально знаменитого уотергейтского дела и отставки с поста вице-президента Агню, изобличенного как взяточника, страна за четыре последних года видела двух президентов и трех вице-президентов! Такого двухсотлетняя история США еще не знала. Разоблачение закулисной преступной деятельности ЦРУ и ФБР неожиданно пробудило многих американцев, которых буржуазная пропаганда десятилетиями убаюкивала колыбельными песенками о свободе и неприкосновенности личности под благословенной сенью звездно-полосатого флага США. Ко всему этому надо прибавить и такие мучительные болезни американского общества, как растущая преступность, неистребимый расизм, кризис городов, загрязнение окружающей среды...

Обычно в США в канун президентских выборов вопросам внутренней политики уделяется больше внимания, чем международным делам. Но на этот раз отношения Соединенных Штатов с другими странами, особенно социалистическими, разрядка напряженности, сокращение вооружений часто становились главной темой предвыборных дебатов. Это вполне объяснимо. Разрядка стала реальностью, и оба кандидата просто не могли этого не учитывать. Однако было сделано немало оговорок в угоду военно-промышленному комплексу и великодержавным, шовинистическим настроениям. Характерно, что газета «Вашингтон пост» считает, что Форд и его администрация имели бы более прочные позиции на выборах, если бы они решительнее защищали такие свои достижения, как подписание Хельсинкского соглашения, участие в политике разрядки, в подготовке соглашения по ограничению стратегических вооружений.

Любые аргументы, наводящие тень на политику разрядки, не выдерживают критики. Разоружение стало властным велением времени. «Коалиция национализма, антикоммунизма и милитаризма,— пишет известный американский ученый Джон Гэлбрейт,— безусловно, сила, обладающая уникальной мощью. Но есть у нее и слабые стороны. Она находится в конфликте с элементарным стремлением большинства людей жить в обстановке мира». Разрядке нет альтернативы! Американский сенатор из Мэриленда Чарльз Матиас недавно заявил, что, согласно последним подсчетам, Соединенные Штаты, пустив в ход свой арсенал, могли бы уничтожить Советский Союз 44 раза, а Советский Союз смог бы уничтожить США по меньшей мере 22 раза.

На первой пресс-конференции после своего избрания президентом США Дж. Картер, анализируя причины, обеспечившие его победу на выборах, заявил, что американцы хотели перемен в руководстве страной. Глубокое беспокойство населения, признал он, по-прежнему вызывают очень высокий уровень безработицы и инфляции, небывало большой дефицит федерального бюджета. На вопрос о преемственности внешней политики США он заявил, что преемственность, очевидно, будет сохраняться, и выразил надежду, что будет продолжено претворение в жизнь тех процедур, которым уже положено начало.

Близкий к Картеру эксперт по американо-советским отношениям профессор Маршалл Шулмэн говорит: «Я считаю, что с будущего января при новой администрации возникнет возможность свежего старта в советско-американских отношениях». Это предположение, заявляет он, основывается на его впечатлениях от новой администрации, а также на логике ситуации и на очевидных интересах двух наших стран. Газета «Уолл-стрит джорнэл» отмечает: «Советники Картера надеются на скорое соглашение с русскими о дальнейшем ограничении стратегических вооружений».

Наше мнение о значении советско-американских отношений известно. Оно еще раз было подтверждено в послании Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорного Дж. Картеру по случаю его избрания президентом США: «За последние годы совместными усилиями сторон был обеспечен поворот к лучшему в отношениях между СССР и США и создана хорошая основа для их стабильного развития. Хотелось бы надеяться, что в предстоящий период наши страны сумеют добиться дальнейшего продвижения по этому пути в интересах советского и американского народов, в интересах укрепления мира и международной безопасности».

МЫ — ОТЦЫ И ДЕТИ

Сергей СМИРНОВ

Сколько лет прошло и отсверкало.
Каждый был по-своему весом.
Свет и гром
Октябрьского накала
Мы в конкретных действиях несем.

Свет и гром
Для жизни не угроза,
Не обуза, а наоборот,—
Тут во всем
поэзия и проза
Нашенского
Мирного:
— Вперед!

Нам, всесильным,
впереди идущим,
Характерны общие черты:
С днем наставшим,
даже с днем грядущим
Запросто
Общаемся
На «ты».

И в четвертой четверти столетья
Мы к глобальным выводам пришли:
Что
потребен мир —
отцам и детям!
Хватит войн!
Сметемте их с Земли!

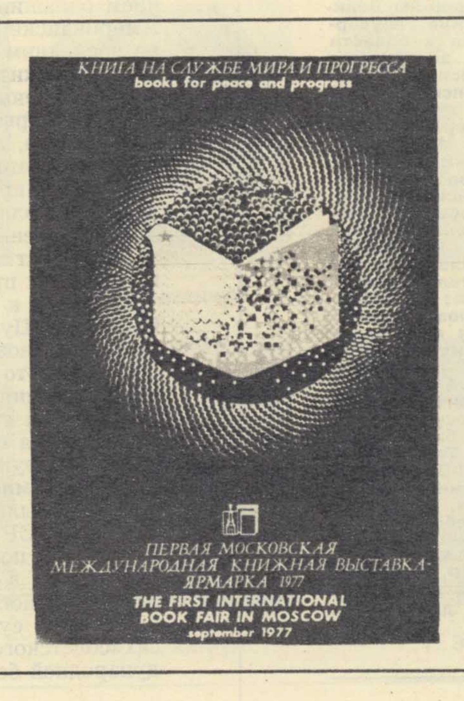
Советские и польские специалисты на строительной площадке комбината.
Фото Богдана Красицкого

БАМ ИДЕТ

В. КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Вот и легло в распадке между гор Станового хребта, там, где Амурская область граничит с Якутией, «золотое звено» строящейся линии Бам — Тында — Беркакит. Обжигаю руки о промерзший фотоаппарат, делая снимки этого события, и думаю, каково же монтерам пути из бригады Карима Гараева, которым доверено установить и скрепить эти первые метры железной дороги на якутской земле, ведь здесь каждая деталь насквозь пронизана лютым морозом.

Вот крепит болтами стыки Люба Яковлева. От волнения, а может быть, и от напряжения из глаз ее падают слезы и, ударившись о сталь рельса, тут же превращаются в прозрачные льдинки. Я смотрю на ее руки и думаю о же-

Москвичи уже привыкли, что в их городе регулярно проводятся международные книжные выставки. «Огонек» подробно рассказывал на своих страницах о самой крупной из них, проходившей в 1975 году под девизом «Книга на службе мира и прогресса». Эти слова станут девизом московских международных книжных выставок-ярмарок, первая из которых пройдет в сентябре 1977 года в павильонах ВДНХ.

Корреспондент «Огонька» встретился с генеральным директором Московской международной книжной выставки-ярмарки Ю. В. Торсуевым и попросил его ответить на ряд вопросов.

— В чем отличие Международной книжной выставки-ярмарки от выставок, уже проводившихся в нашей стране?

ДАЕШЬ КАТОВИЦЕ!

Польше нужна сталь. Все больше стали. Претворяемая в жизнь в соответствии с решениями VII съезда ПОРП программа построения развитого социалистического общества нуждается в прочном фундаменте. Именно потому страна сооружает металлургический комбинат «Катовице». Хотя мы и производим в год 15 миллионов тонн, потребность в стали значительно выше, и приходится приобретать за границей большое количество проката.

Комбинат «Катовице» должен производить по плану 9 миллионов тонн, а на первом этапе — 4,5 миллиона тонн стали в год. Поэтому строители и металлурги очень торопятся. Но темпы сочетаются с образцовой организацией. Еще никогда в Польше на одной строительной площадке не работало одновременно 60 тысяч человек.

Комбинат растет быстро, и этим республика обязана неоценимой помощи Страны Советов. Непрерывно осуществляются поставки советских машин и оборудования. Строителям помогают советские специалисты во главе с Героем Социалистического Труда Дмитрием Кузьменко. Конверторный цех — «родной брат» новолипецкого, на комбинате уже установлены агрегаты, родственные аналогичным на «Азовстали» и в Череповце.

Мы горды тем, что Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев является первым почетным членом коллектива комбината «Катовице».

Эта стройка — настоящая школа технического новаторства. Как всегда, впереди, на самых ответственных и трудных участках,— коммунисты. Именно благодаря этому достигнуты результаты международного класса.

Каким же станет комбинат? Одним из самых современных в мире. Только на первом этапе здесь будет установлено 20 ЭВМ. Компьютерная система управления даже в сравнении с мировыми стандартами представляет собой уникальное решение. Ее автор — ученый из Силезского политехнического института, действительный член Польской Академии наук, доктор Стефан Венгжин. Процесс выплавки стали — в течение часа 500 тонн из одного конвертора — будет управляться на расстоянии. А большая домна? 3200 кубических метров объемом. Бесконусная заглушка Вюрта — новинка мирового масштаба. Подача кокса японским транспортером длиной в 500 метров. Автоматическая, компьютерная дозировка кокса. Автоматическая сортировка продукции.

Металлургический комбинат «Катовице» уже вписался в индустриальный ландшафт социалистической Польши как яркий символ польско-советской дружбы, социалистической экономической интеграции.

Рышард ФЕДОРОВСКИ

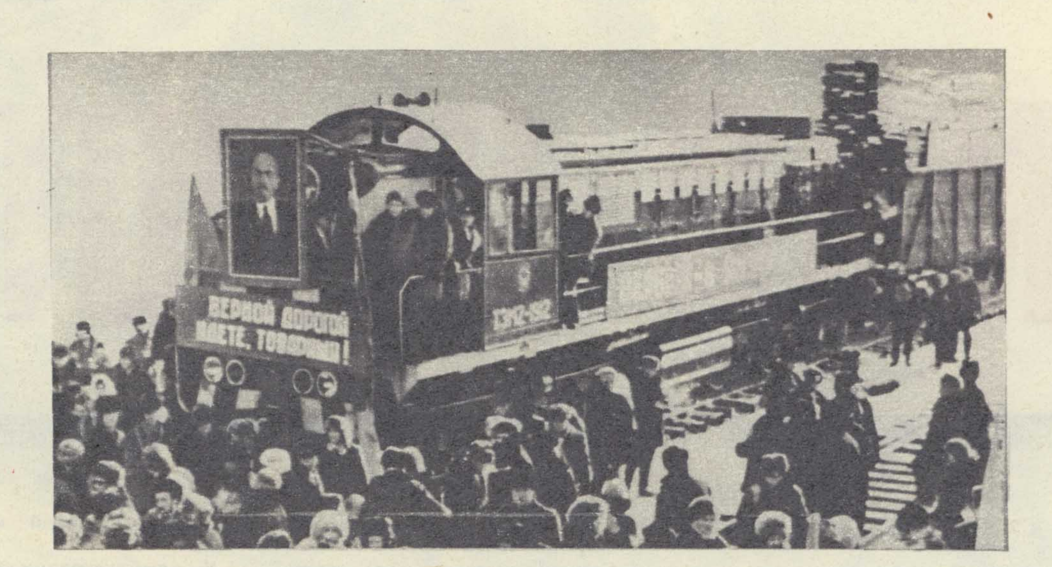
Катовице.

В ЯКУТИЮ

лезной дороге Павки Корчагина и о том, что каждому поколению история предоставляет совершить свой подвиг.

А вот и первый поезд приходит в Якутию, правда, пока еще на разъезд Якутский, представляющий собой сегодня всего-навсего свежевыкрашенный вагончик, на коем значится это название.

Именно здесь, на 285-м километре новой железной дороги, собрались тысячи людей на митинг, посвященный этому торжественному событию. С трудовой победой строителей поздравили первые секретари Якутского и Амурского обкомов КПСС Г. И. Чиряев и С. С. Авраменко. Для увековечения трудового героизма строителей, в знак дружбы народов нашей Родины на разъезде Якутский открыт монумент. Участники митинга заверили Центральный Комитет КПСС, лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в том, что досрочно сдадут в эксплуатацию всю линию Тында — Беркакит, чтобы ускорить освоение природных богатств Южной Якутии.

Первый поезд пришел на разъезд Якутский. **Фото В. Мариковского (ТАСС)**

КНИГИ—МИРУ

— Одной из главных задач выставки-ярмарки, определяющей формы и характер ее проведения, станет установление деловых связей между советскими и зарубежными издательствами, фирмами, книготорговыми организациями, заключение контрактов по продаже и покупке тиражей и прав на издание книг, а также соглашений о различных видах кооперации издательской деятельности. Уже сейчас можно сказать: известие о проведении книжной выставки-ярмарки в Москве вызвало заинтересованный отклик у многих зарубежных фирм.

— Какие издания могут быть представлены на выставке-ярмарке?

— Самого различного характера. Условие лишь одно. Они должны отвечать девизу выставки и разработанным «Условиям участия». Это означает, что практически могут быть представлены любые книги, кроме тех, которые по своему содержанию и оформлению противоречат советскому законодательству, то есть книг, пропагандирующих войну, расовую и национальную исключительность, оскорбляющих национальное достоинство других участников, несовместимых с требованиями общественной нравственности и др. Мы ожидаем увидеть на стендах книги по гуманитарным, естественным и техническим наукам, художественную литературу, книги и альбомы по искусству, энциклопедии, словари, детскую литературу.

— И все же книги — это, согласитесь, товар не совсем обычный. Как будет организована коммерческая деятельность на выставке-ярмарке?

— Закупка выставочных экспонатов по заказам советских организаций, а также заключение коммерческих сделок с советскими организациями (покупка и продажа тиражей) осуществляются в соответствии с действующим в СССР законодательством через Всесоюзное внешнеторговое объединение «Международная книга».

Задача Московской книжной выставки-ярмарки состоит в том, чтобы, предоставляя самые широкие возможности для коммерческой деятельности, утверждать одновременно высокое назначение книги. В этих целях советские и зарубежные представители смогут принять участие в специальной коллективной экспозиции, творческих встречах.

— Известно, что спрос на советские издания за рубежом постоянно возрастает. Какова будет экспозиция Советского Союза?

— Она будет носить универсальный характер. Мы будем стремиться к тому, чтобы представить самые лучшие книги, выпускаемые в нашей стране.

Наша экспозиция должна широко отразить достижения советской науки и многонациональной культуры, расцвет личности в условиях социализма, заботу партии о росте материального благосостояния и культурного уровня нашего народа, советский образ жизни.

Я уверен, что предстоящая в Москве Международная книжная выставка-ярмарка станет одним из заметных явлений дальнейшего развития взаимопонимания между народами.

Адреса великих свершений

«В ЛАТВИЙСКОЙ ССР... ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИТЬ ВЫПУСК МИКРОАВТОБУСОВ...»

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 годы».

МАЛ ЗОЛОТНИК...

Н. ХРАБРОВА

Фото Э. Эттингера.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Знаете, что такое «Руссо-балт»? Это первый русский автомобиль. Он был сделан в Риге, на Русско-Балтийском вагоностроительном заводе, в 1909 году. За шесть лет — до эвакуации рижской промышленности в первую мировую войну — был выпущен 451 «Руссо-балт». Не бог весть что. Но рижские рабочие как бы запомнили, что и автомобили они тоже умеют делать.

После Великой Отечественной войны рижская промышленность возродилась. Расширялись старые заводы, возникали новые. В середине 50-х годов на базе авторемонтных мастерских вырос РАФ — Рижский автобусный завод. Превратился он из мастерских в завод потому, что инженеры и рабочие решили создать микроавтобус на базе агрегатов легковой машины.

Идея эта принадлежит Лаймону Рихардовичу Клеге. В юности был он строителем Комсомольска-на-Амуре, много работал, учился. Великую Отечественную закончил в чине майора и до сих пор не умеет жить спокойно, сегодняшним днем. Мысль перестроить легковую машину пусть в маленький, но все же автобус была довольно дерзкой: кузова-то отличаются друг от друга и весом, и конструкцией, и «начинкой». Тем не менее расчеты удались, и в конце концов получилась та самая «Латвия», или в просторечье «рафик», что знаком теперь жителям не только наших городов и сел, но и 80 зарубежных стран. Микроавтобусы в таксопарках уже несколько лет переделывают под маршрутные такси.

Практика показала, что маршрутное такси особенно быстро окупается в Москве — за два—два с половиной месяца и в Таллине — за один месяц и три дня. Таллин лидирует потому, что проезд в «маршрутке» стоит в этом городе тридцать копеек, а в Москве — всего десять. Пусть так, цены устанавливаются по усмотрению организаций перевозок. Факт тот, что пассажир охотно пользуется маршрутными такси, даже если проезд и дороговат. Поэтому теперь РАФ готовится выпускать часть микроавтобусов уже готовыми «маршрутками» — с сиденьями, расположенными вдоль стенок.

Безусловно, для нас, пассажиров, такое такси очень удобно. А за нашими, пассажирскими интересами стоит и государственный — экономичность. Бежит по городу «Латвия», последняя модель: небольшой автобус, элегантный и комфортабельный, с широкими стеклами; в нем удобно разместились одиннадцать туристов. И теперь уж вовсе не каждый из них знает, что везет его, по существу, легковой автомобиль «Волга-24», благодаря усилиям рижских конструкторов ставший значительно вместительней. Мал золотник, да дорог!

Вот потому-то в Директивах XXIV съезда КПСС появилась строка: закончить в Латвии строительство завода микроавтобусов.

РАФ В ЕЛГАВЕ

— Когда нашим министром был Иван Алексеевич Лихачев,— рассказывает директор РАФа Илья Иванович Познякс,— приезжал он к нам на завод. Он и оценил по достоинству перспективность нашего «малыша». В то время республика была представлена на ВДНХ за своеобразное и очень важное достижение — важное и по сию пору — за хорошую транспортную связь города с селом. А связь-то эта осуществлялась с помощью наших микроавтобусов. Тогдашняя оценка Лихачева во многом помогла нашему теперешнему «второму дыханию».

Второе дыхание начиналось с большой стройки. В Риге к тому времени строить было уже негде. Выбрали Елгаву, зеленый городок в сорока километрах от столицы Латвии, у слияния рек Лиелупе и Дриксны, с большим железнодорожным узлом, связанным практически не только с любой железнодорожной станцией Европы, но и с двумя морскими портами — Лиепаей и Вентспилсом.

У администрации и конструкторского бюро РАФа начались большие хлопоты: надо было в увеличенном количестве выпускать микроавтобусы и одновременно строить и технологически совершенно по-новому оборудовать завод.

Борис Васильевич Грищенко, технолог РАФа, заядлый автомобилист и знаток своего дела, стал главным инженером отдела капитального строительства нового завода. Заказал проекты: Гипроавтопрому в Москве — технологическую часть, Латгипропрому — строительную, СКБ-3 в Минске — специальное нестандартное оборудование.

В 1969 году начали готовить строительную площадку. А Елгава окружена болотами. И стали было стекаться в котлован все окрестные грунтовые воды. Известно: самый большой опыт борьбы с ними у Метростроя. Пригласили в Елгаву его специализированное управление, метростроевцы за два с половиной месяца набурили по всему контуру котлована 587 скважин, в которые потом был залит аммиачный раствор. Таким образом окружили котлован мощной ледяной стеной — 10 метров глубиной, 4,5 метра толщиной. Никакой поток не пробьет. А дно котлована — это ленточные глины, они не пропускают низинных вод. В эти глины было вбито 980 шестиметровых железобетонных свай, которые, пронзив дно, прочно стали на камне моренных отложений. На таком глубоком и крепком фундаменте надежно устроились основания мощных прессов.

В 1973 году РАФ постепенно, ни на день не прерывая технологического процесса, стал перебираться в Елгаву. В Риге осталась только конструкторско-экспериментальная база.

Новый РАФ связан с 62 предприятиями страны; как и все крупные специализированные заводы, он работает на принципах кооперации. В 1977 году, к шестидесятилетию Октября, с главного сборочного конвейера каждые 15 минут будет сходить один микроавтобус.

Так судостроительная и станкостроительная Прибалтика стала автомобильной.

Человека, впервые попадающего на автозавод, в прессово-кузовном цехе охватывает радостное возбуждение.

Я просто глаз не могу оторвать от красивых конструкций под потолком. Похоже, будто там потрудился ювелир-гигант: переплетение конструкций похоже на изделие из филиграни, только увеличенное, наверное, в сотни тысяч раз. Конвейерные линии изгибаются непересекающимися петля-

И. И. Познякс, директор завода, мастер автомобильного спорта.

На конвейере новые «рафики».

ми — это для того, чтобы там, под потолком, было как можно больше места для кузовов. Блестят рельсы мостовых кранов, а сами краны плавно летают из одного конца пролета в другой. Их захватные механизмы похожи на огромные крабьи клешни, да они так и называются — крабы. Метнувшись в назначенное место, цепкие крабы схватывают «добычу» — пачку металлических выкроек — и несут ее к прессам. Словно огромные водоросли, свисают электросварочные аппараты, а газосварка вспыхивает по всему простору цеха бенгальским огнем. Из подпольной глубины идет гул, сквозь люки видно, как там работают механизмы нижних конвейеров, основы штамповочных прессов, сложные транспортно-управляющие системы.

— По сравнению с прежней производительность труда возрастает в четыре раза! — радостно кричит мне в ухо Борис Васильевич Грищенко. Он знает тут все — от первой забитой сваи до этих вот крохотных кружочков, блестящей струйкой вылетающих из-под пресса.

САМЫЙ ДОБРЫЙ В СЕМЕЙСТВЕ

— «Семейство» — чисто технический термин, — поясняет главный конструктор РАФа Дмитрий Моисеевич Шпекторов, — это понятно?

Почему бы нет? Как в ботанике — к одному виду растений примыкает еще несколько видов с родственными признаками.

Шпекторов рассказывает:

— Тринадцать лет назад на основе нашей базовой машины — микроавтобуса — мы начали производство автомобилей для скорой медицинской помощи. Конечно, людям нужны все виды наших машин — и обычные автобусы, и туристские «люксы», и маршрутные такси. Но все это, понимаете, для здоровых людей. А люди, увы, болеют и нередко нуждаются в автомобиле, который немедленно доставит их в больницу. Здесь нужна не только быстрота. Вам приходилось ездить в машине «Скорой помощи»?

Да, мне, к сожалению, пришлось несколько лет назад сопровождать больную. Мы с трудом втиснули в белую с красным крестом «Волгу» носилки. Докторша сначала не хотела меня брать, потому что и сама сидела в машине, согнувшись в три погибели. Но ехать было надо, и я примостилась на корточках в углу. Водитель рванул машину — мы с докторшей упали на больную. Тяжелое осталось воспоминание.

— Трудно придумать более удобную для «Скорой помощи» машину, чем наш микроавтобус, — продолжает Дмитрий Моисеевич. — Больному в нем просторно и покойно, врачу тоже. И, что самое главное, в такой машине можно установить различное медицинское оборудование.

Конструкторское бюро РАФа несколько лет работает над усовершенствованием машин медицинского назначения вместе с главным анестезиологом Латвии доктором медицинских наук Георгием Николаевичем Андреевым. Уже не первый год каждая деталь, каждый дециметр небольшой площади микроавтобуса обдумывается не только с конструктивных, но и с медицинских позиций. Конструкторы РАФа стали кое-что понимать в медицинской технике, а медики республиканской больницы неплохо разбираются в конструировании автомобилей.

— В результате, — говорит Дмитрий Моисеевич, — в нашем автомобильном семействе машины «Скорой помощи» и самые, так сказать, добрые и самые удачные.

РАФ выпускает и готовит к выпуску три типа медицинских автомобилей: «Скорая помощь» обычная, машина, приспособленная для перевозки донорской крови, машина, оборудованная аппаратурой жизнеобеспечения.

Наш завод и Рижский медицинский институт разработали несколько возможностей медицинских манипуляций на ходу, — продолжает главный конструктор. — В санитарной машине мы можем установить хорошо прикрепленную к носилкам капельницу или дать наркоз. Сам процесс реанимации, подключение человека к аппаратам жизненного обеспечения, возможен только на остановке. Мы продумали оборудование машины и для этой цели.

Сейчас в республиканской больнице успешно проходит испытания новая санитарная машина — она может доставлять в реанимационный центр больного издалека — за 200—300 километров. В ней установлена вся необходимая аппаратура жизнеобеспечения. Если возникнет необходимость, больного на месте вызова или на остановке можно подключить к аппаратуре и — под неослабным наблюдением, разумеется, — везти в реанимационный центр. Есть в машинах и дефибриллятор — электроприбор, сильным ударом тока побуждающий к деятельности больное, усталое сердце.

Проделана добрая, вдумчивая работа. Вот поэтому из всех модификаций микроавтобуса «Латвия» львиная доля приходится на санитарные машины.

РАФ не КамАЗ. Да и наладчики из Тольятти говорили, что только один вазовский пролет равен целому новому заводу в Елгаве. Все автомобили в конечном счете — для человека, но маленький автобус «Латвия» служит ему как-то уж совершенно непосредственно...

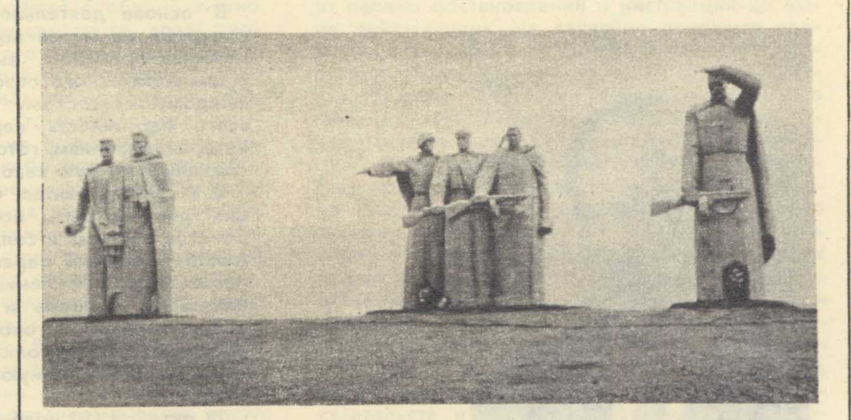
Забота о нашем благе — главная цель каждой пятилетки. Вот девятая и передала десятой как эстафету: «Значительно увеличить выпуск микроавтобусов».

Передовые слесари-сварщики Василий Ковалевский и Янис Калейс.

Оператор машиносчетной станции Инесса Аппен.

У РАЗЪЕЗДА ДУБОСЕКОВО

В ста километрах от Москвы, вблизи старинного города Волоколамска, поезд обязательно сбавляет скорость. Здесь, у платформы Дубосеково, справа от полотна железной дороги, посреди ровного поля внезапно возникнут и во весь рост поднимутся перед вами шесть громадных фигур воинов в каменных плащ-палатках. Без пьедесталов и постаментов, они стоят прямо на родной земле — последние из легендарных двадцати восьми героев-панфиловцев, телами своими преградивших фашистам путь к столице. И нет в мире силы, способной заставить их сойти с боевого рубежа.

16 ноября 1941 года во главе с политруком Василием Клочковым двадцать восемь бойцов-пехотинцев 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка из дивизии генерала Панфилова у высоты 251 в четырехчасовом бою остановили наступление пятидесяти фашистских танков.

Ровное поле, ни деревца, ни кустика. Три отрытых в рост окопа. Всего в двадцати метрах позади них — железнодорожный разъезд Дубосеково, путь на Москву. Впереди, с северо-запада, наращивая скорость, с ревом надвигается стальной клин — 50 вражеских танков. Их цель — с ходу перерезать железную дорогу и идти на Москву.

...Они поднялись навстречу танкам, вооруженные лишь винтовками, гранатами и бутылками с горючей смесью. Они выстояли и победили, покрыв поле под Волоколамском дымными кострами горящих танков. Они почти все погибли.

Но в день, когда страна праздновала 30-летие Великой Победы и под сводами Кремлевского Дворца съездов зазвучали гордые слова «Песни о Москве», по ковровой дорожке зала в солдатской форме с Золотыми Звездами на кителях прошли двое из двадцати восьми. Их постаревшие лица были суровы и мужественны. Под овации тысяч людей, поднявшихся в едином порыве с кресел, они прошли на сцену и заняли места рядом с прославленными военачальниками нашей армии.

...Дубосеково. Здесь всегда
Замедляют бег поезда.
Над осенней равниной в ряд
Исполины-бойцы стоят.
Камня складки воспели миг.
Плащ-палатки одели их.
Как в былине богатыри,
Двое — вместе и рядом — три.
Впереди — во веки веков,
Впереди — политрук Клочков.

Г. БЛЮМИН

СЕРДЕЧНОЕ СПАСИБО

Все мы находимся под впечатлением празднования 59-й годовщины Великой Октябрьской революции. Мне, рядовому жителю Страны Советов, хочется поделиться своей радостью, своей безмерной благодарностью за свою счастливую, спокойную жизнь, за уверенность в завтрашнем дне, которую мне обеспечило мое государство. Вот уже двадцать лет каждый месяц ко мне на квартиру приходит почтальон и вручает мне мою пенсию — сто двадцать рублей. И ни разу не было случая, чтобы мне задержали выплату пенсии. Нам с женой этой суммы вполне хватает. Хотя возможность поработать пенсионеру в нашей стране есть. Газеты пестрят объявлениями о приеме на легкую работу пожилых людей с полным сохранением пенсии.

Жилищные условия в моей семье прекрасные. Мы с женой и сыном имеем на троих двухкомнатную квартиру 30 квадратных метров со всеми удобствами. А платим за нее всего пять рублей в месяц. В какой еще стране есть такая низкая квартирная плата с такими значительными льготами для пенсионеров!

Летом мы выезжаем на свой садовый участок, как и многие москвичи. Кроме того, в районном отделе социального обеспечения мне не раз предлагали льготную путевку в дом отдыха. К моим услугам радио, телевидение, газеты, журналы, бесплатные библиотеки. Театр и кино нам с женой тоже вполне доступны.

Несмотря на свои восемьдесят лет, на здоровье не жалуюсь. Но и тут у меня, как и у любого жителя нашей страны, особой тревоги нет. Лечебная помощь у нас бесплатная, причем не только вызов районного врача, но и при необходимости консультация самого квалифицированного специалиста. Ни в одной капиталистической стране мира такого, конечно, нет.

Хочется сказать большое сердечное спасибо нашей Коммунистической партии, нашему родному правительству за всестороннюю заботу о пожилых людях. В таких условиях хочется жить и жить.

М. ВАСИЛЬЕВ

Москва.

интервью «огонька»

НА СТРАЖЕ

Б. А. ВИКТОРОВ,
заместитель министра внутренних дел СССР

В канун Дня советской милиции корреспондент «Огонька» обратился к ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР БОРИСУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ВИКТОРОВУ с просьбой познакомить читателей журнала с историей советской милиции и рассказать о задачах, которые она решает сегодня.

— Расскажите о первых шагах советской милиции.

— Ее история неразрывно связана с историей Советского государства, с его героической борьбой против внешних и внутренних врагов, с борьбой за укрепление нового, социалистического правопорядка.

...Первые годы Советской власти. Милиции, сформированной из вчерашних рабочих, пришедших прямо от станка, крестьян, знавших только соху, противостояли опытные преступники, бандиты, заговорщики и диверсанты самых различных мастей. Нередко ими руководила опытная рука белогвардейской и империалистической разведок. Достаточно вспомнить знаменитую кражу в январе 1918 года, когда из ризницы Патриаршего дворца Московского Кремля исчезли Евангелие XII века, золотой оклад которого был осыпан сотнями драгоценных камней, Евангелие 1648 года в золотом окладе с крупными бриллиантами, огромное количество изумрудов, сапфиров, алмазов. Или то, как в октябре 1920 года сотрудники кубанской и ставропольской милиции разгромили банду численностью 2000 сабель, неожиданно прорвавшуюся на Дон.

В основе деятельности советской милиции с первых ее шагов по сегодняшний день заложены принципы, вытекающие из природы социалистического строя, близкие и понятные каждому советскому человеку. Это прежде всего партийность, народность, пролетарский интернационализм, готовность зорко оберегать социалистическую законность.

В. И. Ленин считал, что пролетарская милиция должна быть исполнительным органом Советов рабочих и солдатских депутатов. Подлинно народный характер милиции должен, по мнению В. И. Ленина, решающим образом влиять на ее роль и задачи в государстве. «Такая милиция,— говорил Владимир Ильич,— обеспечила бы абсолютный порядок и беззаветно осуществляемую товарищескую дисциплину».

28 октября (10 ноября) 1917 года было принято постановление «О рабочей милиции». В нем ленинские принципы нашли законодательное закрепление:

«1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием».

Постановление «О рабочей милиции» явилось правовой основой для слома аппарата милиции, организованной Временным правительством.

Несмотря на саботаж, а иногда и открытое сопротивление, строительство новой милиции шло успешно. Во Владивостоке, где до мая 1918 года милиция находилась в ведении городской думы и практически бездействовала, преступность стала приобретать угрожающие размеры. Совет рабочих и солдатских депутатов решил взять охрану общественного порядка в свои руки. В постановлении Совета указывалось: «Принимая во внимание усилившиеся в последнее время разбои и грабежи в городе, Совет поручает Исполнительному комитету самую беспощадную борьбу, не останавливаясь для этого ни перед какими мерами». Личный состав милиции был обновлен за счет рабочих, выделенных большевистскими организациями. Вскоре Совет полностью взял власть в свои руки. Во главе милиции стали испытанные революционеры — Д. Мельников и Л. Проминский. Под их руководством в городе в кратчайшие сроки был установлен надлежащий общественный порядок.

Исторические условия становления первого в мире социалистического государства потребовали создания специального аппарата борьбы с контрреволюцией и обеспечения государственной безопасности, создания государственных органов охраны общественного порядка. К весне 1918 года участились попытки организации заговоров, мятежей, террористических актов, активизировалась деятельность империалистических разведок. Крайне сложными оказались и задачи борьбы с преступностью. Победа Великой Октябрьской социалистической революции не могла сразу изменить общественное сознание населения. К тому же многолетняя империалистическая война привела к разрухе, голоду, нищете населения, не было самых необходимых предметов потребления. Элементы «разложения старого общества» весьма активно давали знать о себе. По словам В. И. Ленина, для поддержания твердого общественного порядка в стране потребовалась «железная рука».

21 августа 1918 года Совет Народных Комиссаров на заседании, проходившем под председательством В. И. Ленина, поручил народному комиссариату внутренних дел по соглашению с народным комиссариатом юстиции подготовить инструкцию о советской милиции, «приноровив ее преимущественно к борьбе против уголовных элементов, поддержанию санитарного порядка и приведению в исполнение предписаний местных властей». 12 октября 1918 года была принята инструкция «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции», которая закрепила создание штатной милиции и определила основные направления ее деятельности. Главное среди них — органическая связь с народом, с коренными интересами трудящихся, которые органы милиции призваны защищать. Наиболее эффективным средством обеспечения этой связи являлась кадровая политика, проводимая под руководством партии. VIII съезд РКП(б) специально указал на принцип классовости и народности милиции. «Милицию мы переносим на классовые основы и превращаем ее в советскую милицию». Инструкция от 12 октября 1918 года четко устанавливала признаки, которыми необходимо руководствоваться при наборе в милицию: подданство РСФСР, признание Советской власти, возраст не ниже 21 года, грамотность, активное и пассивное избирательное право. На работу в милицию не принимались лица, прибегавшие к наемному труду с целью извлечения прибыли, агенты бывших жандармских отделений и чины бывшей полиции.

Коммунистическая партия заботилась не только о классовой чистоте рядов милиции, но и о совершенствовании профессиональных качеств ее работников. XVI конференция ВКП(б) предложила провести чистку государственного аппарата с участием профсоюзов и под контролем широких масс рабочих, крестьян и служащих и вместе с тем указала, что чистка должна производиться прежде всего и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения.

— Как формировались и формируются органы милиции?

— После Отечественной войны в органы милиции были направлены демобилизованные воины. В течение ряда лет милицию Азербайджана возглавлял Герой Советского Союза Х. Мамедов. Начальником управления милиции Ленинграда был назначен бывший командир дивизии Герой Советского Союза И. В. Соловьев. Опыт военачальников способствовал укреплению дисциплины, повышению боевого мастерства. Некоторые из них после увольнения в запас в связи с частичным сокращением Вооруженных Сил поступили на службу в милицию.

Партия и правительство поставили такую задачу: комплектование милиции и в первую очередь ее городских и районных органов должно осуществляться, как правило, по направлениям коллективов трудящихся с обсуждением рекомендуемых на работу в милиции на собраниях партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Органы милиции обязаны информировать общественность предприятий, учреждений и организаций о работе в милиции рекомендованных ими лиц. Министр внутренних дел СССР генерал армии Н. А. Щелоков неоднократно обращал внимание на то, что подбор и подготовка кадров не могут быть решены без активной помощи со стороны партийных, профсоюзных, общественных организаций. Именно благодаря их помощи к нам пришли люди, представляющие передовую часть общества, люди образованные, политически грамотные, люди, отвечающие тем высоким требованиям, которые предъявляет партия к нравственному облику советского человека. Здесь уместно вспомнить слова М. И. Калинина о том, что милиция должна быть великолепным проводником идей Советской власти. От такого проводника требуется очень многое. И мера этой требовательности растет год от года. Одно из многих проявлений такой требовательности — приказ «О вежливом и внимательном отношении работников милиции к гражданам». Этим приказом предписывается вежливость и тактичность при обращении к гражданам, чуткое

ЗАКОННОСТИ

отношение к их просьбам и заявлениям. «Корректность,— говорится в приказе,— должна быть неотъемлемым качеством работника милиции».

Мы добиваемся максимального укрепления связи с жителями городов и сел, хотим, чтобы эта связь была более эффективной. Речь идет о выступлениях перед населением, о систематических отчетах перед гражданами или по месту жительства или по месту работы, речь идет об опросе населения. Эти опросы — анкетирование — позволяют выяснить претензии, которые предъявляются к милиции, ее работникам, позволяют учесть пожелания, мнения самых широких слоев общественности и т. д. Проводимые на основе строгих социологических методик, такие опросы помогают полнее, всестороннее оценить интересы трудящихся, чтобы более результативно направлять деятельность органов внутренних дел.

— Вы говорили о подборе кадров, о том, что требования к ним растут. Нельзя ли подробнее о требованиях к деловым качествам сотрудников милиции? Что делается для повышения их уровня знаний, квалификации?

— Требования к профессиональной подготовке работников милиции в настоящее время очень возросли. При этом хочу заметить, что было бы неверно связывать это с какими-то особо неблагоприятными тенденциями в росте преступности. Причины преступности в современном социалистическом обществе не связаны с социальными условиями, которые для капитализма являются основополагающими. В нашем обществе мы встречаемся еще с людьми низкого уровня общественного сознания, с отрицательными факторами в формировании личности, с недостатками в организации отдыха, быта, свободного времени, с неразумным использованием возросшего материального достатка. Поэтому от работников правоохранительных органов требуется, кроме всего прочего, хорошее знание психологии, педагогики, умение тонко анализировать жизненные ситуации.

Наша генеральная линия в борьбе с преступностью — ее предупреждение. За последние годы у нас создана специальная служба профилактики. Ее задача — выявлять лиц, поведение которых вызывает тревогу, лиц, оказавшихся в условиях, которые могут привести к правонарушению. И не только выявлять их, но и постоянно вести с ними воспитательно-профилактическую работу. Таким образом все более расширяется своеобразное социально-педагогическое направление в нашей деятельности. Министерство внутренних дел требует от участковых инспекторов, то есть от тех, кто работает непосредственно среди населения, чтобы они непрерывно обогащались знаниями психологии и педагогики, умело пользовались бы ими в практической работе.

Вооружение самыми современными знаниями — вот что сейчас является главным резервом наращивания мощи милиции. Этому способствует система специализированных высших учебных заведений. Я имею в виду Волгоградскую высшую школу, которая готовит работников следственного аппарата, Горьковскую высшую школу, питомцы которой ведут борьбу с хищениями социалистической собственности, Омскую высшую школу для работников уголовного розыска.

Система подготовки оперативных сотрудников милиции соответствует основным ее службам: уголовный розыск, служба охраны общественного порядка; БХСС — борьба с хищениями социалистической собственности; следственный аппарат; государственная автоинспекция. Каждая из них выполняет строго определенные задачи и в то же время тесно координирует свои действия с другими службами.

— Видимо, наличие столь разнообразных служб с широким кругом задач, служб взаимосвязанных требует большого искусства в управлении ими?

— Я бы сказал точнее: научного подхода к управлению. Указания Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева о том, что сейчас особенно важно учиться передовым методам труда, хозяйствования, управления, что это должно стать одной из основ стиля нашей работы, подхода к практическим делам, которые решает партия, весь советский народ,— все это имеет самое непосредственное отношение к деятельности милиции. В ряде мест особо остро стоит проблема коренного улучшения системы управления органами внутренних дел. Это связано с ростом населения, появлением новых объектов промышленного строительства, широкой механизацией сельского хозяйства, непрерывно развивающейся технизацией всех сфер жизни нашего общества.

В 1973 году на базе Высшей школы МВД СССР создана Академия МВД СССР. Основная ее задача — дать стране высококвалифицированных руководителей органов милиции, внедрить в практику их работы научные основы управления и организации труда. В академии имеются факультеты по подготовке руководящих кадров республиканских, краевых, областных, городских и районных органов внутренних дел. Здесь создан научный центр, где разрабатываются проблемы управления, тут плечом к плечу трудятся юристы, социологи, психологи, математики, инженеры...

Существенно улучшилось в последние годы обучение рядового состава милиции. Общий образовательный уровень рядовых милиционеров и младшего начальствующего состава сейчас довольно высок: как правило, они имеют среднее образование. Более эффективной стала и профессиональная учеба на специальных курсах.

Работник милиции, какой бы пост он ни занимал, какие бы сложные задачи ни решал, какой бы высокой ни была его профессиональная подготовка, всегда должен помнить, что ему оказана честь быть представителем правоохранительного органа. Поэтому столь высоки сегодня требования к его знаниям советского права, советских законов. Вся его деятельность, каждый его шаг должен быть соотнесен с требованиями закона. Он должен уметь дать правильную правовую оценку любому факту, любой конкретной ситуации, с правовой позиции оценить происшедшее — без этого нельзя принять обоснованное решение. Все действия работника милиции четко регламентированы нормами права, которые, образно выражаясь, вписаны в «технологический» процесс его деятельности. Поэтому профессиональные навыки обязательно должны формироваться с учетом требований норм права.

Строжайшему соблюдению социалистической законности всегда уделялось и уделяется огромное внимание в работе органов внутренних дел. Даже в пору крайнего обострения классовой борьбы в нашей стране, в пору нашествия интервентов, тяжких войн не ослаблялись требования о соблюдении всеми гражданами и должностными лицами советских законов, порядка, установленного в государстве. Еще в ноябре 1918 года VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов принял постановление «О точном соблюдении законов». «За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики,— указывалось в постановлении,— точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России».

Несмотря на острую нужду в кадрах, уже в первые годы становления милиции из ее рядов решительно изгонялись сотрудники, нарушавшие закон. Даже когда речь шла о борьбе с самыми ярыми врагами. Работники милиции неукоснительно стремятся следовать строгому правилу: защита самых человечных и справедливых принципов не допускает какой-либо несправедливости.

Идея социалистической законности красной нитью пронизывает все нормативные документы, регламентирующие деятельность милиции, от первых постановлений и инструкций до ныне действующих. Не случайно основные правовые акты, касающиеся работы милиции, были приняты высшими органами Советской власти. 9 июня 1973 года вступил в силу Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», а вскоре было утверждено Положение о советской милиции — оно действует с 1 июля 1973 года. Хочу напомнить о четко сформулированных в этих документах правах и обязанностях милиции: обеспечение общественного порядка; предупреждение и пресечение преступлений и других правонарушений; охрана социалистической собственности, прав и законных интересов предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств и иных антиобщественных действий; своевременное и полное раскрытие преступлений. Милиция проводит работу по предупреждению детской безнадзорности, осуществляет в установленном порядке надзор за исполнением должностными лицами и гражданами решений органов государственной власти и государственного управления по вопросам охраны общественного порядка; содействует в пределах своих полномочий депутатам Советов депутатов трудящихся и должностным лицам при исполнении ими своих обязанностей, если отдельные граждане отказываются подчиниться законным требованиям этих лиц или препятствуют их нормальной работе; оказывает содействие военным комиссариатам в осуществлении контроля за соблюдением правил воинского учета и в организации проведения призыва на действительную военную службу; при стихийных бедствиях и других чрезвычайных обстоятельствах участвует в спасении людей и имущества; организует охрану государственного и общественного имущества и личного имущества граждан, оставшегося без присмотра, и т. д.

Я мог бы привести много примеров поистине самоотверженной работы сотрудников милиции, жертвующих жизнью во имя того, чтобы обнаружить, задержать преступника, оградить от него общество. В 1975—1976 годах более 3000 работников органов внутренних дел награждено орденами и медалями. И немало среди них — награжденных посмертно, погибших на боевом посту. Я мог бы назвать имена многих и многих сотрудников детских комнат милиции, терпеливо опекающих подростков, попавших в компанию правонарушителей. Эти сотрудники не пройдут мимо хулиганствующего паренька, даже если нет в его действиях прямого состава преступления, они не останутся в стороне от дел, требующих разбора сложных семейных коллизий. Работники милиции полной мерой несут перед населением ответственность за правопорядок в их микрорайоне. Конечно, бывают случаи, когда иной сотрудник милиции не принял должных мер, чтобы быстро, решительно пресечь нарушение правопорядка, разыскать преступника, привлечь его к ответственности. И руководители органов внутренних дел не могут оставить без внимания ни один такой случай. Но я никак не могу согласиться с иногда появляющимся в некоторых органах печати, ставшим уже расхожим и явно неправомерным возгласом: «А куда, мол, смотрит милиция?..»

Работникам милиции, как и всем трудящимся, близки и понятны слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о нелегком и почетном труде работников милиции. Оценка, данная правоохранительным органам в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, возлагает повышенную ответственность на советскую милицию. Она оправдает эту высокую оценку. Порукой тому — ее славная история, ее традиции, ее люди, успехи, которых она добилась.

Будни И. Г. Ткаченко.

И. Г. ТКАЧЕНКО,
Герой Социалистического Труда, заслуженный учитель УССР, кандидат педагогических наук, член Президиума Верховного Совета УССР

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

КОМУ СЕЯТЬ

Вот уже почти сорок лет я работаю в одной и той же сельской школе. Каждое утро прохожу по Богдановке. Село давно проснулось. Колхозники уже в поле и на фермах, спешат на смену рабочие мебельного комбината.

Когда-то в этих местах после битвы под Желтыми Водами отаборилось войско Богдана Хмельницкого. С тех пор высокая гряда, поросшая лесом, зовется Богдановой горою. И село наше в годы Советской власти стало именоваться Богдановкой.

В конце сорок третьего года здесь шли тяжелейшие бои, и в братской могиле, которая неподалеку от школы, похоронено 875 советских воинов. Среди них почти двести моих односельчан. Некоторых из них перед войной я учил, некоторых знал по партизанскому подполью.

В селе каждый встречный со мною здоровается, часто приходится останавливаться, чтобы минуту-другую поговорить с человеком.

Мария Дмитренко, встречаясь со мной, интересуется успехами дочери, которая занимается в подготовительной группе: за самых маленьких родители обычно больше всего волнуются. Кажется, и сама Мария не так давно окончила нашу школу, будто вчера сидела она напротив меня за партой. А нынешней зимой мы с нею были делегатами областной партийной конференции и сидели рядом. Работает Мария на мебельном комбинате, она ударник коммунистического труда. У меня учился и ее муж — Володя, а перед войной я учил ее отца — Ивана Яковлевича Куженко... В начальных классах я все чаще вижу детей, чьих дедушек и бабушек учил еще до войны. К сожалению, многие выпускники предвоенных лет так и не успели стать отцами, погибли двадцатилетними...

Около полутора тысяч человек окончили нашу школу за ее более чем полувековую историю. Есть среди них знатные хлеборобы, рабочие, инженеры, ученые, офицеры Советской Армии. Около половины наших учителей тоже получили здесь среднее образование. В родном колхозе работают ныне 74 выпускника школы.

Но главное — нет среди наших воспитанников таких, за кого пришлось бы краснеть, все до единого стали достойными гражданами своей Родины.

В Богдановку часто приезжают учителя из других школ за опытом. Едут со всех концов Союза: и организованно и так, по личной инициативе. Интересуются нашими методами воспитания и обучения. Оговорюсь сразу: никаких особых секретов у нас нет. Главная забота, которой подчинена вся деятельность педагогического коллектива,— это слить воедино обучение ребенка основам наук с его нравственным и трудовым воспитанием.

Все наши ученики, с первого по десятый класс, принимают посильное участие в общественно полезном труде. Для первоклассника — это несколько квадратных дециметров площади в школьной теплице, где он своими руками сажает в землю зернышко, следит, как оно становится растением, цветет и дает плод, а для учащихся старших классов — это десятки гектаров поля, где школьники с помощью современной техники пашут и сеют, берут анализы почв и вносят необходимые удобрения, собирают десятки тонн зерна, неизменно добиваясь высоких урожаев.

Конечно, ребенок есть ребенок, и приобщение его к труду не должно восприниматься им как принуждение. Надо пробудить в нем интерес к делу, вдохнуть веру в собственные силы, возможности. Уже с пятого класса мальчики занимаются в мастерских по металлу и дереву. Мастерская по металлу оборудована слесарны-

Занимается кружок «Умелые руки».

В классе, как на природе.

Предстоит уборка свеклы.

Каждому — по глобусу.

ми верстаками, есть токарные, сверлильные, фрезерные станки. Здесь дети учатся держать в руках молоток и напильник, разбираться в металлах, управлять станками.

После занятий мастерская не запирается. Для нас особенно важно, что и после уроков здесь полно ребят, которые приходят поработать по собственной инициативе: сделать пряжку для ремня, смастерить какую-то деталь для велосипеда...

Трудовое и нравственное воспитание неразрывно связано с общеобразовательным обучением. Взаимовлияние тут очевидно. Вот один из многих примеров. Учительница Елена Нестеровна Головир пришла за советом к Борису Ивановичу Сыромятникову (он ведет у нас уроки труда) и рассказала, что в ее классе есть Саша Хабаев — очень трудный мальчик. Он ни с кем не дружит, угрюм, у доски из него слова не вытянешь. Такое впечатление, будто всех взрослых считает своими врагами. Учится плохо, и подступиться к нему невозможно.

Сельский учитель, как правило, достаточно осведомлен об обстановке в семье своего ученика. У Саши отец пьет, часто скандалит. Вот мальчик и ожесточился. И Борис Иванович, хоть он и ведет уроки труда начиная с пятых классов, пригласил к себе в мастерскую по дереву третьеклассника Сашу Хабаева. Просто так, посмотреть на работу ребят. Разрешил ему включить станок.

А мастерская по дереву хорошая: станки, верстаки, все приспособления для столярных работ, для выпиливания, выжигания, изготовления художественных изделий из соломки, инкрустации по дереву. И Саша загорелся. Он стал заходить туда после уроков, и первое свое изделие — указку, красиво выточенную, с выжженными узорами,— подарил учительнице.

У нас неписаный закон: чем лучше ты учишься, тем больше тебе доверия в мастерских, на учебно-опытном поле, в школьном научно-ученическом обществе, спортивных секциях и кружках художественной самодеятельности. Сейчас Саша Хабаев перешел уже в седьмой класс, он стал лучше учиться, ближе сошелся с ребятами, в мастерской это первый помощник учителя.

Очень интересно ведет уроки по домоводству с девочками четвертых — седьмых классов Юлия Федоровна Кузьмина. Она старается привить детям не только навыки ремесла, но прежде всего научить чувствовать и понимать прекрасное в том, что окружает человека: в одежде, мебели, всяких домашних вещах. Есть у нее для младших такая игра: берут большой снимок из журнала и начинают «одевать» изображенных на нем людей. Мужчинам шьют из лоскутков ткани костюмы, подбирают рубашки, галстуки, женщинам — платья, вяжут миниатюрные кофточки, украшают их вышивкой. И все это — всерьез, аккуратно, чтобы каждый шов был красивым и четким.

Девочки постарше изучают чертежи кроя, шьют и вяжут модели одежды в масштабе 1:10, а старшеклассницы сами кроят и шьют одежду для себя и для своих домашних, вяжут кофточки, носки, варежки, занимаются художественной вышивкой.

Мы стараемся убедить ребенка, что в океане человеческих знаний всегда найдется место еще для одной капли, которую именно он может добыть, выпытать у природы. Секциями ученического научного общества «Юный исследователь» руководят наравне с учителями-предметниками и ведущие специалисты колхоза.

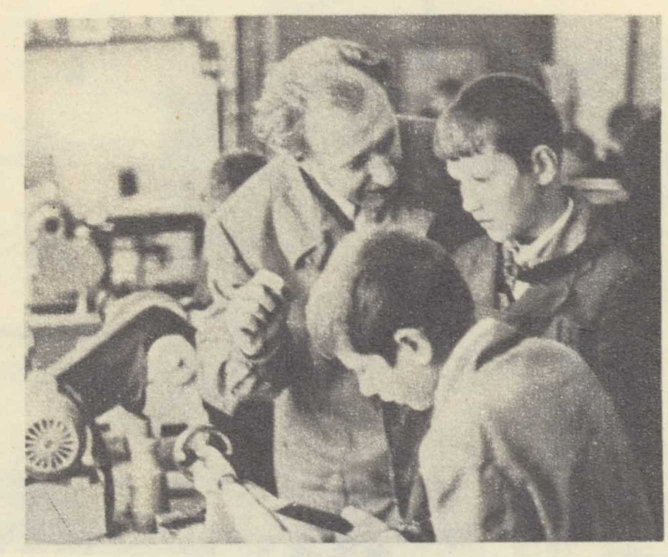
Однажды я присутствовал на первом занятии агрохимического кружка. Выбирали старосту. Ребята, как обычно, шумели, спорили. Но

ХЛЕБ ЗАВТРА

Своя теплица...

Б. И. Сыромятников ведет урок труда.

вскоре успокоились и единогласно проголосовали за Колю Вурсало. Выбор меня немного удивил: в кружке были мальчики и девочки и побойчее. И когда я стал допытываться, почему именно Колю избрали старостой кружка, ребята ответили:

— Он любит землю.

Я хорошо знаком с Марьей Матвеевной Вурсало — матерью Николая. Она работала звеньевой в свекловодческой бригаде, была одной из лучших. Это от нее унаследовал сын любовь к земле. А школа только помогла ему раскрыть свои способности. Занимаясь в агрохимическом кружке, он еще в восьмом классе составил почвенную карту учебно-опытного поля. По этой карте сразу можно было определить, сколько фосфора, калия или азота в разных точках учебного поля, сколько и каких удобрений надо вносить, чтобы получить оптимальный агрофон для растений на разных участках. Для этого ему пришлось взять сотни проб, провести много анализов — ведь наше учебно-опытное поле — это не грядка в огороде, это 50 гектаров!

А потом Николай возглавил ученическую производственную бригаду, которая стала лучшей в республике. Ее бригадира, десятиклассника Николая Вурсало, правительство наградило медалью «За трудовое отличие». Это было 10 лет назад.

После окончания вуза и службы в Советской Армии Николай Петрович вернулся в родной колхоз и стал работать агрономом, а нынче его назначили главным агрономом крупнейшего в нашем районе колхоза «Октябрь».

Вообще мы не мыслим работу школы вне теснейшего ежедневного общения с колхозом, с мебельным комбинатом и другими предприятиями, куда пойдет работать большинство наших выпускников и где ныне трудятся их родители. Каждой секцией ученического научного общества руководят, как правило, учитель и соответствующий специалист с производства.

Девятиклассники Юрий Черныш и Анатолий Олейник во время летней производственной практики много успели в творческом содружестве с колхозными умельцами Александром Медведем и Иваном Шапошником. Они переоборудовали силосный комбайн для заготовки сенажа, зерноуборочный комбайн приспособили для погрузки сахарной свеклы, изготовили специальную борону для межрядного рыхления посевов кукурузы, создали автокар для погрузки зерна на току.

Такая работа помогает школьникам глубже постичь современное производство. Не игра в труд, а сам труд — творческий, интересный, не всегда легкий, но целенаправленный, дающий конкретные, общественно полезные результаты!

Каждый год осенью в школе проводится вечер трудовой славы. В нем, кроме школьников и учителей, принимают участие и родители и представители общественности. Гвоздем программы такого вечера становится выставка «Слава хлеборобскому труду!». На ней представляются лучшие достижения колхозников, молодых хлеборобов — недавних выпускников нашей школы, а также юннатов и членов ученической бригады.

В программу вечера обычно входит рассказ о династиях хлеборобов. Каждый раз это своего рода экскурс в прошлое какой-либо семьи. Вот одна из таких историй. Перед войной в местной МТС работал комбайнером наш односельчанин Ларион Яковлевич Подгорный. Это был любопытнейший человек, участник первой мировой войны, лейб-гвардеец, воевавший в составе экспедиционного корпуса во Франции. В селе к нему многие шли за советом, помощью, а машину он знал отлично.

Его сын Анатолий, окончив нашу школу в 1938 году, учился в сельхозтехникуме. В 1941 году приехал на практику в родное село и вместе с отцом работал на комбайне «Сталинец-2». Это был прицепной комбайн. Когда фашисты приближались к Знаменке, отец и сын, следуя с колонной отступавших, эвакуировали трактор и свой комбайн в тыл, на восток. Уже на подходе к Днепру немецкие войска опередили их, отрезав пути отступления. Тогда они вдвоем разобрали на части и трактор и комбайн, смазали их и закопали в лесополосе, а сами ушли к партизанам.

Осенью 1943 года в боях за Знаменку Анатолий Подгорный погиб, повторив подвиг Александра Матросова. А Ларион Яковлевич после освобождения села от фашистов вернулся к Днепру, откопал комбайн и трактор, собрал их и своим ходом пригнал в МТС. Он еще долго работал, пока не сменил его второй сын — Валентин, который окончил нашу школу в 1957 году и стал механизатором широкого профиля, одним из уважаемых в колхозе людей. Уже окончил десятый класс представитель третьего поколения Подгорных — Виктор, избравший профессию хлебороба.

Воспитание человека — процесс многогранный. И мы не пренебрегаем даже малейшей возможностью оказать воздействие на формирование личности нашего воспитанника.

Следует думать о тех, кому завтра придется сеять хлеб. У нас были годы, когда более половины выпускников поступали в институты, успешно сдавали конкурсные экзамены даже в столичные вузы. Это делает честь школе. Но все же первая забота педагогического коллектива — дать колхозу, району, вообще сельскому хозяйству хорошо подготовленных, любящих и знающих землю специалистов. Они могут окончить вузы или техникумы, могут работать и по специальностям, полученным в школе: механизаторами животноводства, трактористами, шоферами, мастерами машинного доения. Но это будут люди, полюбившие землю, труд на земле.

Главный этап трудового воспитания начинается с приема в ученическую бригаду. Посвящение в хлеборобы проходит торжественно, на ежегодном празднике первой борозды. В этот день на поле собираются семиклассники, и поочередно, под наблюдением инструкторов, каждый садится на трактор и самостоятельно вспахивает свою загонку. Мы пробовали не пускать на трактор девочек, но столько было обид, что запрет пришлось отменить.

Если семиклассники прокладывают свою первую борозду, то ученики восьмых-девятых классов уже трудятся в поле с полной отдачей. И хоть их рабочий день ограничен четырьмя часами два раза в неделю, они, сменяя друг друга, успевают и убрать сорняки на больших площадях, и провести подкормку посевов, и убрать и вывезти урожай. Все работы механизированы. В том-то и задача, чтобы смолоду обучить человека самым современным, самым прогрессивным методам труда на земле. Для этого колхоз выделил и закрепил за школой 5 тракторов, свеклоуборочный и зерновой комбайны. Кроме того, у нас есть свои два трактора и грузовик.

Что дает ученическая бригада школьникам? Расскажу о Викторе Сидоренко. Как и многие его товарищи, он в седьмом классе проложил свою первую борозду. В ученической бригаде попал в звено механизаторов «Юные гиталовцы». В 1974 году звену было поручено провести сортоиспытание озимой пшеницы «Одесская-51». Осенний сев ребята провели в отличные сроки, а весной дважды подкормили посевы. Год выдался трудный, засушливый. Надо было видеть, как ребята интересовались прогнозами погоды, с беспокойством поглядывали на небо, вздыхали, будет ли дождь? А в пору уборки никто не хотел уходить с рабочего места после смены. Уступив место товарищу на мостике комбайна, за рулем автомобиля, на току, искали себе другую работу, чтобы хоть чем-то помочь товарищам. Когда взвесили зерно, его оказалось около восьми тысяч пудов! Средний урожай «Одесской-51» составил 38,6 центнера с гектара. В этот день Виктор Сидоренко решил стать механизатором.

Многие годы мы полностью обрабатывали большой участок колхозной земли, с которой надо было получать плановую отдачу, определенный доход. И что же: урожайность на этом участке из года в год была более высокой, чем на других полях, а затраты труда меньше. Правда, правление колхоза выделяло нам и удобрений побольше, чем другим участкам, и технику поновее, посовременнее.

Ребята оправдали доверие и заботу старших. Оправдали честным трудом, высоким мастерством. И вот с нынешнего года колхоз выделил на попечение ученической бригады уже не 50, а 420 гектаров земли.

Нынешняя весна была очень дождливая. Прекрасные всходы, буйная зелень... А на поле нельзя ступить — мокро. К тому же сорняки поднимались, душили посевы. Наконец выпал погожий денек. Чуть подсохло — наши ребята уже на прополке кукурузы. Отработала смена четыре часа, пришла другая. Но никто не уходит с поля. Учитель уговаривает: «Пора домой, ребята!» А ребята не уходят.

— Как же мы уйдем? Погода неустойчивая. Вдруг завтра снова дождь — непрополотые посевы заглохнут. Половину урожая недоберем. Разве можно так?

Мне кажется, когда такое убеждение становится определяющим, значит, в школе умеют воспитывать чувство гражданской ответственности.

ПИСЬМА ИЗ АЛИБУНАРА

Погожим осенним днем я работал в саду около дома. Тихо шелестели листья задумчивых яблонь. Белокурая девушка, разносившая почту, окликнула меня:

— Сорокин, вам международное!

Конверт с голубовато-розовой каймой запрыгал в руках. От волнения я не мог сразу прочесть обратный адрес. Но на уме было одно: «Это, наверно, от Петра Битевича». Да, письмо пришло из Югославии. Я стал читать, и в памяти ожило далекое лето 1915 года.

...Нас у матери шестеро. Отца забрали на войну. Подошла пора сеять. Но не хватало рабочих рук. Неожиданно в деревню прилетела весть: «Пленных на подмогу прислали». Так у нас в доме появился серб Петр Битевич. Я очень привязался к этому доброму, работящему человеку. Рука об руку с ним мы пахали землю, сеяли, косили, стерегли лошадей в ночном. У Петра были золотые руки. Он научил меня и грабли делать, и табуретки, и многим другим полезным вещам. И вот настал день, когда Петр смог уехать на родину.

— Прощай, милый друг мой и учитель,— в волнении еле выговорил я.— За все твое доброе по смерть тебя помнить буду!

Мы обнялись, расцеловались и замерли в крепких объятиях... Я не мог сдержать слез.

Быстро летели годы. Жизнь текла своим чередом. Выросли мои братья, поженились, сестры вышли замуж. Я окончил ФЗУ и слесарил на заводе металлоконструкций в Новокаширске (ныне Кашира-2), где обосновался со своей семьей. Это небольшой городок на берегу Оки, кругом леса.

Летом 1956 года я решил разыскать своего друга Петра Битевича. Прошло много времени с тех пор, как мы расстались, но память сохранила название его родного городка — Алибунар. Я написал городским властям с просьбой сообщить что-нибудь о Петре Битевиче.

И вот у меня в руках его письмо: «Дорогой Герасим Андреевич, примите от меня сердечный привет! Ваше письмо весьма обрадовало меня. Приветствую вас, вашу семью и весь советский народ...» А в конце письма сделал приписку сын Петра — Миле: «Я вас очень уважаю и ценю, что помните моего отца. Желаем переписываться с вами и в дальнейшем. Любящий вас Миле».

И завязалась переписка у нас с сербскими друзьями. Я узнал из писем Петра, что Алибунар — это небольшой городок, который основал какой-то турок Али. Он первым выкопал здесь колодец (по-сербски «бунар»), отсюда и название города. Узнал я, что Петр занимался земледелием. Жил в своем доме с женой Ольгой. С ними — сын Миле с женой и сыном Петье. В одно из писем П. Битевича было вложено его фото. Пристально смотрел я на него. Много лет прошло, как мы с Петром расстались. Годы изменили его: на лице легли глубокие морщины, поредели волосы, но карие глаза по-прежнему светились добротой и лаской... В 1962 году я получил письмо от жены Битевича — Ольги. Она сообщила печальную весть: мой друг умер.

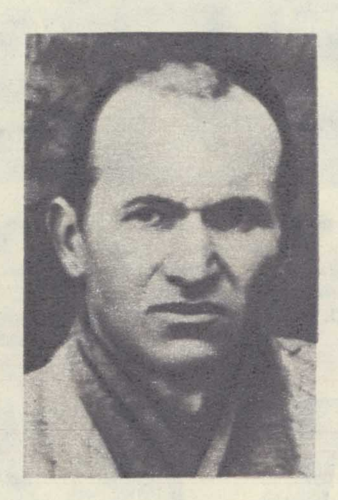
Теперь писать мне стала Ольга. Человек она была любознательный, всем интересовалась: и моей семьей, и городом, и жизнью нашей. Я охотно писал югославским друзьям обо всем. В 1963 году я пошел на пенсию. Мой сын Николай окончил энергетический институт, работает в Туле. Дочь Лидия после десятилетки стала крановщицей. У меня три внука. В 1965 году я получил письмо от сына Петра, Миле. В нем были такие строки: «Я пишу вам, а мой четырехлетний сын Петье спрашивает: «Кому это, папа?» Я сказал: «Пишу далеко, в Россию, где твой дедушка Петр, будучи молодым, жил и работал в крестьянской семье... Прошло много лет, но русские люди хорошо помнят твоего доброго дедушку. И он всегда их помнил». С нами стал переписываться Миле.

А потом его сын Петье написал моему внуку Сереже. Оба они узнали от своих дедов о нашей крепкой дружбе и дали слово хранить ее.

Г. СОРОКИН, слесарь

Кашира.

Три поколения Битевичей: Петр, его сын Миле и внук Петье.

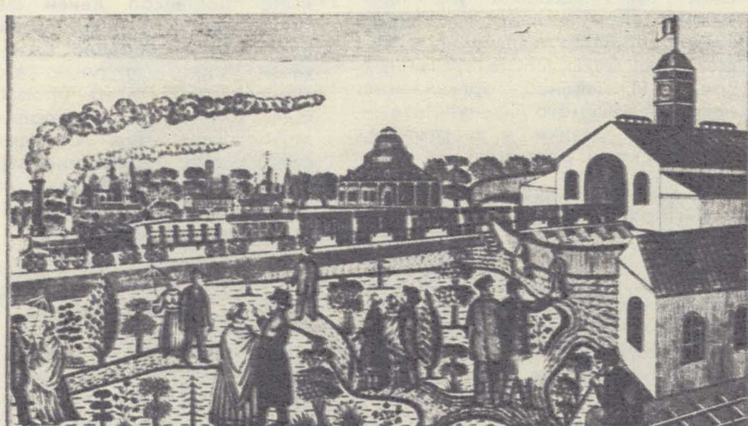
Первой железнодорожной магистрали — 125 лет

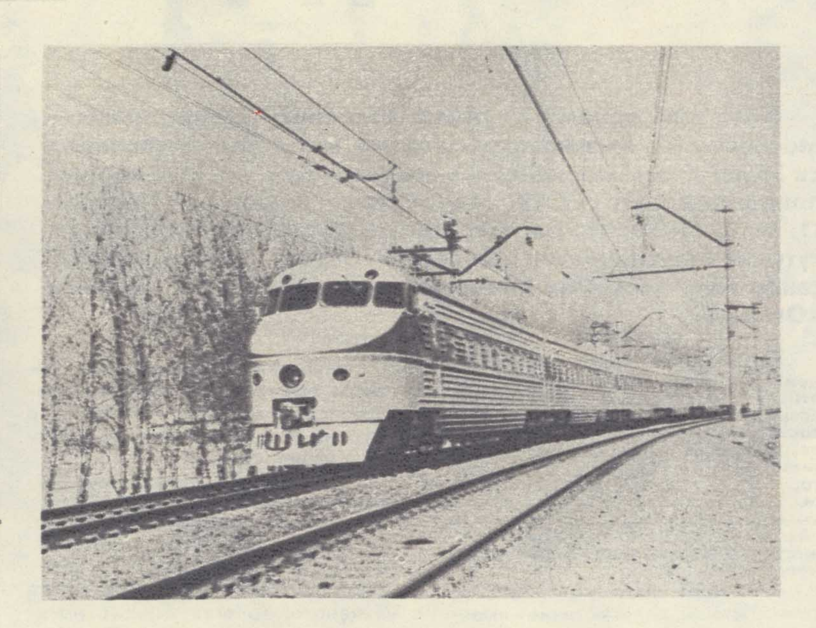
События, запечатленные на этих снимках, разделяют 125 лет. Первый из них — фоторепродукция лубочной картинки, хранящейся в фондах Русского музея в Ленинграде. Она посвящена знаменательной дате — открытию сквозного движения поездов на первой в России железнодорожной магистрали Санкт-Петербург — Москва, которое началось 1 (13) ноября 1851 года.

Второй снимок сделан в этом году на одном из участков линии Ленинград — Москва. Скоростной электропоезд ЭР-200, рассчитанный на скорость до двухсот километров в час, совершает опытный рейс. В недалеком будущем он доставит пассажиров из Ленинграда в Москву и из столицы в Ленинград за четыре часа.

Ф. ПИНЧУК

Ленинград.

Открытие восьмого факультета, проблем физики и энергетики. Слева направо: его декан — академик Е. П. Велихов, председатель Координационного совета МФТИ академик П. Л. Капица, министр высшего и среднего специального образования РСФСР академик И. Ф. Образцов и член-корреспондент АН СССР О. М. Белоцерковский.

Фото В. Бездудного

НАМ УЖЕ ТРИДЦАТЬ

В эти дни одному из самых известных вузов страны — Московскому физико-техническому институту — исполняется 30 лет. Накануне юбилея с его ректором, членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Ленинской премии О. М. Белоцерковским встретились корреспонденты институтской многотиражки «За науку» Сергей Громов и Александр Леонович. Они попросили его ответить на вопросы «Огонька».

— Олег Михайлович, этой весной студентов МФТИ ожидал приятный сюрприз — спортивная встреча четырех вузов. Физтех, Новосибирский и Куйбышевский университеты и Дагестанский политехнический институт объединяет то, что их ректоры или проректоры — выпускники МФТИ. Говорит ли это о том, что за небольшой в общем-то срок — тридцать лет — институт воспитывал и руководителей вузов?

— Четырех примеров недостаточно, чтобы делать такие выводы. Хотя, конечно, можно добавить и Красноярский университет и Московский авиационный институт. Наверное, в этом вас заинтересовала связь физтеха с другими вузами и научными центрами нашей страны?

— А в чем еще, по-вашему, проявляется эта связь?

— Сейчас почти все признают, что для студента очень ценно, когда ему преподает человек, сочетающий в себе качества педагога и ученого. То есть ученый, носитель прогресса, новых идей, получает возможность передавать эти идеи из первых рук, делиться ими. И если такие руки сильные, это не замедлит сказаться на росте ребят. Ведь смысл так называемой «системы физтеха» в фундаментальности образования и в объединении усилий по обучению и воспитанию кадров крупными исследовательскими центрами («базовыми институтами»), с одной стороны, и высшим учебным заведением — с другой. Вот в распространении лучших сторон этой системы нам и видится такая связь. Принципу, заложенному в основу физтеха, теперь стремятся следовать многие институты.

— Нам кажется, что некоторые из них забывают о его истоках. А что же было до образования МФТИ?

— Создателям физтеха — академикам Капице, Лаврентьеву, Семенову, Христиановичу — приходилось доказывать, бороться за то, что для подготовки ученых нужно высшее учебное заведение принципиально нового типа. В те годы было предложено организовать «Высшую школу физиков СССР», однако лишь в 1946 году на физико-техническом факультете МГУ (откуда и берет свое начало физтех) удалось воплотить эти принципы. И преподавать здесь стали крупные ученые, для которых главное — исследовательская работа. Теперь это положение не требует доказательств.

— Олег Михайлович, вы сказали о методе обучения: в студенческих аудиториях лекции читают ученые-исследователи, а двери лабораторий ученых открыты для студентов. Однако жизнь идет вперед, и научно-техническая революция ставит перед наукой все новые и новые задачи. Не «состарится» ли со временем найденный принцип, не станет ли и он тормозом на пути прогресса?

— Напротив, основная сила физтеховского принципа «педагог-ученый» и заключена в том, что он позволяет институту следить за развитием новых направлений науки, сегодня готовить кадры для решения завтрашних проблем. Как это происходит? Вот, например, несколько определенных XXV съездом КПСС задач науки: совершенствование управления народным хозяйством, космические исследования, термоядерная энергетика, расширение исследований по прикладной математике. А на физтехе еще в 1969 году был открыт первый в стране факультет управления и прикладной математики. Другие примеры: создание у нас специализаций по космической физике, механике управляемых и гироскопических систем, взаимодействию излучения с веществом, механике гетерогенных сред... И, наконец, организация нового, восьмого факультета — проблем физики и энергетики, который уже развертывает свои действия.

— Если мы правильно поняли, такая мобильность МФТИ, его способность переориентироваться лучше всего отвечает современной тенденции развития высшей школы — соединению образования с наукой и производством?

— Конечно, и примеров тому — множество. Вот важное дело — подготовка кадров для новых научных центров Академии наук СССР. Среди них Черноголовка, Пущино, Красная Пахра. Оправдал себя эксперимент с набором на физтех абитуриентов-дальневосточников. Недавно их первая группа, пройдя у нас цикл общей подготовки, направилась в полном составе для обучения по специальности и работы в Дальневосточный научный центр.

И что интересно: открываем факультеты, создаем кафедры, а к выпускникам физтеха проявляют интерес представители все новых и новых отраслей науки. Иногда этот интерес меня даже несколько удивляет. Посмотрите, откуда идут запросы на распределение — Институт мировой экономики и международных отношений, Институт трансплантации органов и тканей, кардиологический центр...

— В самом деле, это кажется необычным: выпускник физико- да еще и технического вуза — будущий кардиолог? Но, вероятно, у авторов таких заявок были основания обратить особое внимание на питомцев физтеха?

— Наш студент проходит школу базового института и попадает в интенсивно работающий творческий коллектив научных работников и инженеров. Здесь-то, в этой среде, он воспитывается и учится творчески мыслить. Как было сказано П. Л. Капицей, «задача, поставленная перед образованием, заключается не только в том, чтобы давать человеку всесторонние знания, но и развивать в нем самостоятельность мышления, необходимую для развития творческого восприятия окружающего мира». Видимо, этим и объясняется «популярность», что ли, наших выпускников.

И если уж мы начали говорить о воспитательной работе, то возьмите, к примеру, Королёвские чтения, которые проходят у нас в институте с приглашением крупнейших ученых, космонавтов. Это ли не важная форма воспитания будущих специалистов? Именно на таких встречах проявляется преемственность традиций многих поколений ученых, в том числе и окончивших физтех.

— А ведь вы, Олег Михайлович, были в первом его выпуске. Мы, нынешние выпускники, хорошо знакомы с физтехом семидесятых. И хотелось бы услышать от вас: какими были студенты тридцать лет назад?

— Несомненно, сейчас к нам поступают ребята и сильнее и ровнее, чем прежде. Вот-вот, ровнее... А тогда, вначале, все были какими-то разнохарактерными. Общим был энтузиазм, который хлестал через край.

...Сорок седьмой год, карточная система. Многие ходили в гимнастерках — бывшие фронтовики. Спартак Беляев — ныне академик, ректор Новосибирского университета, Игорь Радкевич — первый председатель профкома физтеха, ныне профессор, декан факультета общей и прикладной физики. Безвременно ушедший от нас Михаил Родин — крупный аэрофизик-экспериментатор, проработавший многие годы проректором МФТИ по науке. Сегодняшние профессора Борис Гликман, Владимир Судаков и другие коммунисты — они пришли с войны и вели физтеховцев вперед.

В то время и такие были люди, как Володя Родионов, ныне профессор, заведующий кафедрой «Физика взрыва», который пришел к нам на второй курс с пятого курса Института стали и сплавов. Или один из первых докторов наук среди наших выпускников — Вилен Купцов — в студенческие годы увлекался изобретением реактивного паровоза...

Нет-нет, конечно, это я вспомнил не для того, чтобы сравнивать. Жизнь наших нынешних студентов гораздо сложнее, гораздо — я вижу. И задачи стали сложнее...

В. Жемерикин. Род. 1942. ДЕВЧАТА ИЗ МАГИСТРАЛЬНОГО. III республиканская художественная выставка «Молодость России».

Л. Кириллова. Род. 1944. ДЕВУШКИ СЕЛА ЧЕРНОЕ. 1974.

III республиканская художественная выставка «Молодость России».

Т. Чепикова. Род. 1948. ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ. 1975.

III республиканская художественная выставка «Молодость России».

Римма КОВАЛЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

ЖИЛИ — НЕ ТУЖИЛИ

Деньги принесли утром. Надежда Ивановна открыла дверь, увидела почтальона, и что-то холодное перевернулось у нее в груди, а по спине пробежал озноб. Она растерялась, хотела пригласить почтальона в комнату, но та сама прошла на кухню, села к столу и вытащила из сумки перевод.

— Лена!— позвала Надежда Ивановна младшую дочь.— Иди, заполни тут что надо.

Восьмиклассница Лена, толстая красивая девочка, с рассыпанными по плечам густыми прядями волос, вошла, как вплыла, и присела на табуретку. Потом через полное плечо она глянула на лоскуток извещения и с укором во взгляде обратилась к матери.

— А где твой паспорт? Надо же паспорт.

— Сейчас, сейчас.— Голос Надежды Ивановны звучал заискивающе, она побежала за паспортом, от суеты и волнения щеки у нее порозовели.

— Вы не волнуйтесь,— сказала почтальон,— и мой вам совет: положите эти две тысячи сразу на книжку. Так надежней.

— Не наши это деньги,— успокаиваясь, сказала ей Надежда Ивановна.— Это сын на сохранение прислал. Он военный — полковник и доктор наук. Вот враз заработал или накопил... Он телеграмму прислал, что подробности письмом.

Лена заполнила извещение, Надежда Ивановна написала внизу свою фамилию и, окончательно успокоившись, смотрела на гладенькие, с острыми краями сотенные, которые отсчитывала почтальон.

— Двадцать,— сказала та,— прямо из банка, еще ни в одном кармане не бывали. Пересчитайте.

— Я глазами считала.

— Нет уж, пожалуйста, пересчитайте, или пусть дочка пересчитает.

Лена отодвинулась от стола, выпрямила шею, показывая этим, что считать она не будет. Надежда Ивановна взяла в руки тонкую скрипящую стопку, пересчитала, и улыбка тронула ее губы.

— Вот и мы богатые. Хоть чужие деньги, да у нас в руках.

— Почему же чужие?— Почтальон поднялась и пошла к двери.— Сын ведь родной.

Когда за ней закрылась дверь, Лена сказала:

— Надо было ей рубль дать. Им все дают с большой суммы.

Надежда Ивановна огорчилась, что не сообразила вовремя, а дочке ответила:

— За что рубль? Это ее работа. Ей зарплату за это платят.

Она положила деньги в шкаф, на дно ящика, в котором хранились старые семейные документы, грамоты и квитанции, закрыла ящик на ключ.

— Лена,— спросила она, входя в комнату, где дочка за письменным столом готовила уроки,— а вдруг Дима эти деньги нам прислал?

Лена оторвалась от учебника, уставилась в окно, потом покачала головой:

— Столько не дарят. Это, наверное, общественные деньги. Приедет курсант или завхоз и купит на них что-нибудь для лаборатории... Между прочим, уроки у меня еще не сделаны.

— Так сиди и делай.— Надежда Ивановна обиделась на дочь: самая младшая, а ничего детского,— как родилась директором, так им и осталась.

Лена была у нее четвертая, после троих сыновей. Родила ее, когда уже было за сорок. Рожала в отпуске, у родных мужа. Больница деревенская, маленькая, порядки нестрогие. Федор влез в окно, вгляделся в спящую дочку и пришел в восхищение:

— Директор! Вылитый директор.

Соседка Надежды Ивановны по палате расстроилась. Федор был выпивши, и соседке показалось, что намекал на какого-то директора, в кого вышла лицом дочь.

— Как вам не стыдно,— сказала она,— жена ваша в муках ребенка родила и сейчас еще слабая и больная, а вы с такими подлыми подозрениями!

Федор Семенович не обратил внимания на ее слова и продолжал радоваться:

— У, какой мордатенький директор. Теперь, Надя, мы минимум год в полном его подчинении.

И действительно, что-то около года у Лены было это второе домашнее имя — директор, и все, кто слыхал, смеялись и считали, что оно подходит к толстой, обстоятельной девочке.

Лена училась во второй смене. Надежда Ивановна кормила ее перед уходом, ела сама и в три часа тоже покидала дом.

Два часа в сутки, с часу до трех, у Надежды Ивановны была собственная, принадлежащая только ей жизнь. Правда, в эти часы она мыла посуду, иногда прокручивала в стиральной машине белье, прибиралась в комнатах, но все равно это были самые свободные, самые молодые часы в ее жизни. Она включала приемник и подпевала, если передавали знакомую песню.

Иногда заходила соседка Марина с верхнего этажа, и они говорили о жизни, которая только у тех сейчас плохая, кто ноет или давится завистью.

Заканчивался разговор детьми. Надежда Ивановна хвалила своих сыновей — ученого-полковника Диму, директора техникума Валю и младшего, токаря Сашу, который работал в цехе бок о бок с отцом. Про дочку Лену Надежда Ивановна ничего не говорила. Соседка не любила Лену, и, когда разговор изредка касался дочери Надежды Ивановны, соседка поджимала губы и смотрела в сторону. Это означало: «С дочкой, Надя, ты еще хлебнешь горя».

Потом Надежда Ивановна отправлялась на работу, как и Лена, во вторую смену.

В пять часов домой возвращались муж Надежды Ивановны — Федор и младший сын Саша. Они разогревали щи или борщ — супов почему-то в этой семье не варили,— жарили двойные магазинные котлеты по двенадцать копеек штука, жарили на большой сковороде, с припасом для Лены, которая возвращалась из школы к тому моменту, когда обед у мужчин подходил к концу и в самую пору было мыть посуду. Каждый раз у Лены с братом происходил почти один и тот же разговор:

— Мужчина, да?— спрашивала Лена.— Работничек, заслуженный токарь, кормилец семьи? Папа, я при тебе заявляю, что мыть за ним посуду не буду. Твою вымою, а его — никогда.

Сытый Саша глядел на нее прищурясь, как на муху, которая привязалась и будет жужжать, пока ее не прихлопнешь.

— Портфель опять не закрывался?— спрашивал Саша, словно и не было никакой речи о посуде.

Лена всякий раз простодушно попадалась на эту удочку.

— Опять под мышкой несла,— отвечала она.— То не закрывается, то не откроешь.

— Знаешь почему?

— Почему?

— Перегружен. Двойки портфель распирают, вот замок и отказывает.

Саша хихикал и глядел нахальными глазами. Лена кричала на него, иногда била посудным полотенцем, слушать Сашины шуточки у отличницы Лены не хватало душевных сил. И к тому же брала досада, что шуточки тупые. С другими Саша пытается быть умным, а с ней — хорошо и так.

Пока дети ссорились, Федор Семенович собирал со стола посуду, складывал в раковину, отворачивал краны, смешивая горячую и холодную воду, и начинал мыть тарелки. Лена отталкивала его плечом и, вконец расстроенная, ворчала на отца:

— Папа, ты распускаешь Сашку. Он наглеет по восходящей. Заставь его хотя бы вытирать посуду.

— Потерпи, Ленка,— отвечал Федор Семенович,— в армии с него эту дурь соскребут.

Письмо пришло в понедельник.

«Дорогая мама! Конечно, хорошие сыновья помогают родителям не раз в сто лет, а систематически. Я тоже когда-то пытался быть таким сыном, но вы с отцом категорически мне в том отказали. Теперь же возникла такая ситуация: на нас с Тамарой как с неба упало пять тысяч. Это премия за открытие, писать о котором пришлось бы в этом письме очень длинно, поэтому все подробности при встрече.

Эти деньги три недели мозолили нам головы, и мы распорядились ими так: две тысячи Тамаре на шубу, тысячу мне — на мелкие расходы, а две тысячи вам всем, но на твое имя и усмотрение, ты лучше отца, Саши и Ленки знаешь, на что их употребить...»

Надежда Ивановна прочитала письмецо и глубоко вздохнула. Старший сын, давно отрезанный ломоть, был главной гордостью ее жизни. Еще маленьким он внушил ей это чувство. Она гордилась чугунным коником, которым его наградили на олимпиаде детской самодеятельности. Четырехлетний Дима декламировал на сцене стихотворение «Бородино», картинно протягивал руку то в сторону, то вперед, и все, кто был в зрительном зале, глядели на него с одобрением. И на родительских собраниях в школе Надежда Ивановна гордилась сыном: его всегда хвалили учителя. Однажды, когда он учился в пятом классе, случилась беда. Ей сказали, что Дима сломал руку и сейчас в поликлинике. Оказалось, не руку, а ключицу. Она прибежала в поликлинику, увидела скорчившегося на диване у хирурга сына и бросилась к нему.

— Больно, Димочка?

Его ответ испугал ее и наполнил новой, незнакомой до этого гордостью.

— Больно, знаешь, отчего? Что больно тебе.

Больше таких детей у нее не было. Валентин рос книжником, лицо — в книжку, ей — затылок. Она иногда утром подходила к его постели, чтобы рассмотреть лицо. Сашка — тот, как в поле ветер: то шумит, летит куда-то, то стихнет, будто уже не он, а совсем другой человек. Надежда Ивановна, как и муж, надеялась на армию. Там уравновесится.

Соседка Марина купала внука, когда Надежда Ивановна пришла к ней. Несчастный, зареванный, с мокрыми прядями на шее и плечах внук сидел на табуреточке посреди ванны и, жмурясь, терпел колючие струи душа.

Марина выключила душ, накинула на внука мохнатое полотенце и приказала:

— Сиди, сохни.

Глаза на ее распаренном лице недовольно щурились, Надежда Ивановна подумала, что пришла не вовремя.

— Письмо от Димы получили.

Глаза соседки вмиг переменили выражение.

— Мне он эти деньги прислал. Премию ему большую дали.

— Дела-а-а.— Марина стояла, как в столбняке, глаза в одну точку, а губы в ниточку.

— Я пойду,— сказала Надежда Ивановна,— просто места себе не нахожу: куда эти деньги, кому чего покупать, как поделить.

Марина вышла из оцепенения.

— Детям ничего не говори. Испортишь их, врагами сделаешь. Ленка твоя определенно свихнется: дубленку потребует, норковую шапку. Детям — ни слова, если не хочешь их угробить.

Эти слова больно ударили Надежду Ивановну. Почему это Марина так судит о ее детях? Сама родила одного — не бог весть какая удача: институт не закончил, с первой женой разошелся, вторая невестка ребеночка родила и свекрови, как в камеру хранения, сдала, расти, корми, купай, а все равно ни про нее, ни про сына своего Марина слова лишнего не скажет. Что у них плохо — значит, не повезло; хорошо — значит, по полным заслугам. А чем же Лена с Сашкой хуже ее сына с невесткой? С чего она им алчность такую приписывает, что свихнутся они и угробятся от этих денег?

Завидует, успокоила себя Надежда Ивановна. Богатству моему завидует. Не этим двум тысячам, а настоящему богатству. У меня четверо, у нее один.

* * *

— Ах, ты, елки-палки,— повторил Федор Семенович, ворочаясь в широкой постели, в которой они с Надеждой Ивановной уже четвертый год спали под разными одеялами,— ах, этот Димка! Хулиган и больше никто. Просто бомбу замедленного действия под нас подложил. Вот теперь живи и оглядывайся, где бабахнет.

— Нехорошо так про Диму,— отвечала ему Надежда Ивановна,— какая же это бомба? Если с умом, не торопиться, может с этих денег много хорошего быть. Одежду можно купить. Тебе костюм новый. Мне шубку рублей за четыреста, цигейковую. Такую десять лет носить можно. И легкая, теплая. Лене покупать особого ничего не будем — пару платьев к лету, туфли, кофточку хорошую из чистой шерсти. Не люблю синтетику — трещит, искры сыплятся. Сашке тоже чего-нибудь из необходимого, чтобы не портить, не баловать.

— Сашка магнитофон потребует,— прошептал Федор Семенович,— за пятьсот рублей. Он уже о нем поговаривал. А что, Надя, если эти деньги пустить в одно дело, и все?

— В какое дело?

— В отпуск. Диким образом. Нас четверо, Валентина с женой и сыном прихватим — семь человек, на каждого без малого по триста рублей выйдет, в аккурат на весь отпуск. Снимем домик у моря и все вместе, одной семьей... будет что вспомнить.

— Мне будет что вспомнить.— Голос у Надежды Ивановны засипел от огорчения.— Кто в этом домике у моря варить да посуду мыть будет? А детей кто будет мирить? Лену с Сашей да ту же Лену с Валькиным сыном?

Полночи они проговорили, а утром, когда Надежда Ивановна провожала на работу сына и Федора Семеновича, последний вдруг застрял в открытых дверях, вскрикнул от неожиданно пришедшего решения и скомандовал сыну:

— Иди один. Так надо...

Из того, что успел сказать торопившийся на работу Федор Семенович, Надежда Ивановна уловила суть: можно купить за городом участок земли с уже готовым садовым домиком и готовыми плододающими фруктовыми деревьями. Федор Семенович так именно выразился — «плододающими». Недели две назад в завкоме был разговор о том, что некоторые члены садового кооператива запустили свои участки. Кое-кого придется исключить и заменить новыми. Они вернут старым членам деньги за домики и вложенный в землю труд.

Кооперативный участок за городом не затронул воображения Надежды Ивановны, она не стала представлять плододающую яблоню, голубое небо, а с тоской подумала о том, что Лена в субботу учится, значит, будет этот день жить в городе одна и что в домике нет, конечно, водопровода и даже простое умывание, не говоря уже о стирке, станет проблемой. И еще — тащиться туда в электричке больше часа и назад столько же. И если там этих яблонь хотя бы штук десять, то нужны будут ящики и стружки, чтобы сохранить урожай. А где потом держать эти ящики?

Она засунула руку в карман и нащупала металлический рубль и мелочь. Дежурный гастроном на углу улицы открывался в семь, и Надежда Ивановна пошла туда, радуясь, что в кармане неожиданно оказались деньги и она что-нибудь купит сейчас, порадует Ленку.

Так и сделала, накупила всякой всячины: двести граммов пастилы, сто — вяленого инжира, два апельсинчика, пакетик вафель и две шоколадки по двадцать четыре копейки. Рассовала кульки по карманам и с веселыми глазами вышла из магазина.

Когда Надежда Ивановна вернулась домой, Лена делала зарядку. Надежда Ивановна и сама много раз в своей жизни принималась за нее, но больше недели не выдерживала. И всякий раз, когда было плохое настроение, она вспоминала эту зарядку — ничего-то я одолеть не могу,— и настроение становилось еще хуже. А вот дочка умела перебороть утреннюю лень, и Надежда Ивановна за это ее уважала. Завидовала и уважала.

У Надежды Ивановны к каждому из детей и к Федору Семеновичу было в душе свое особое отношение. Если определять это отношение одним словом, то выглядело это так: Федора Семеновича она обожала, старшим сы-

ном Димой гордилась, следующего, Валю, стеснялась. Давно это началось. В шесть лет повела она его в районную детскую библиотеку. На обратном пути в сквере стали они книжки листать. Подошла пожилая женщина в черном костюме: «Какой славный мальчик! Ваш сын?» То да се, разговорились. Потом женщина достала из сумки носовой платок, расстелила на краю скамейки и села. Тут Надежда Ивановна возьми и скажи:

— Какой большой платок — целая простынь.

И услышала негромкие, но отчетливые слова сына:

— Простыня, мамочка.

Вот с того момента и стала она при нем стесняться.

Сашу, младшего сына, Надежда Ивановна боялась. Не его, конечно, а за него. Очень уж неровный был Сашка, будто из двух разных людей составлен, и не знаешь, когда из него умный человек выглянет, когда дурак. Что касается Лены, то уже было сказано, что дочку Надежда Ивановна уважала. И не только за физкультуру по утрам, но и за пятерки в школе и за то, что была она девочка обстоятельная, надежная, хотя и с капризами, не без того. Соседка Марина просто напраслину возвела — дубленку, мол, Лена потребует, норковую шапку.

И решила Надежда Ивановна испытать дочку. Рассказать ей про две тысячи и исподволь выведать, что она об этом думает, какой свой интерес к деньгам таит. Разложила на блюде купленные в гастрономе угощения, вскипятила чай, и, когда Лена с мокрой челкой после душа выплыла на кухню, Надежда Ивановна сказала:

— Помнишь те деньги, что принесли в среду?

— Угу,— кивнула Лена, жуя клейкий инжир.

— Так эти деньги Дима прислал нам. Подарил две тысячи. От премии своей часть выделил.

Голос Надежды Ивановны звучал ровно и в то же время таинственно. Лена слушала, продолжая жевать.

— Что же ты молчишь? Я говорю — подарил,— повысила голос Надежда Ивановна.

— Ну, и молодец, что подарил.— Лена с недоумением уставилась на мать.

— Молодец или не молодец — не об этом разговор. Лучше скажи, что бы на них купить? Вот что бы ты посоветовала?

— Откуда я знаю! — Лена дернула плечом.

— Ну, вот, к примеру, хочешь, чтобы тебе дубленку купили? — Надежда Ивановна не умела двурушничать и высказала то, что хотела вытянуть из дочки.

— Хочу! — Лена произнесла это слово с вызовом, оно прозвучало как «еще бы!».

— А норковую шапку?

Лена вытаращила глаза и поднялась из-за стола.

— Ты издеваешься надо мной или что? Зачем мне норковая шапка? Зачем ты мне все это говоришь?

— Затем, что сейчас девчонки все помешались на нарядах. Сами ни копейки в жизни не заработали, а одеваются лучше артисток. Вот я и хотела узнать: ты такая же или нет.

— Такая, такая и, пожалуйста, не волнуйся. Мы все одинаковые. А вот родители разные. Одни достают дочкам дубленки, а другие нет. Те, которые достают, плохие родители. Но даже плохие не покупают своим дочкам норковых шапок.

Надежде Ивановне показалось, что Лена не меньше как лет на десять старше ее.

Не получился разговор с дочкой. С тяжелым сердцем пошла Надежда Ивановна в тот день на работу.

* * *

Работала она недалеко от дома, в прачечной самообслуживания. Выписывала квитанции, выдавала жетоны, объясняла новеньким старикам и старушкам, как укладывать в машину белье, когда засыпать порошок в первый раз, когда во второй. Молодым она ничего не объясняла, молодые сами читали правила, написанные на стеклянной желтой доске зелеными буквами.

Когда какая-нибудь машина выходила из строя, Надежда Ивановна звонила вниз и вызывала механика Колю-маленького. Когда ломался один из барабанов сушилки, она вызывала электрика Колю-большого.

Выписывая квитанции, Надежда Ивановна оглядывалась, ждала свою подругу Зару — она иногда заходила просто так, повидать Надежду Ивановну, посудачить с ней о том о сем. Вспомнились красивые кольца с синими и красными камнями на Зариных пальцах, золотой браслет с тоненькой свисающей цепочкой, и поверилось, что Зара научит, как распорядиться деньгами, даст такой совет, за который Надежда Ивановна будет век благодарить ее и вспоминать добрым словом. Ведь все эти кольца, браслеты, серьги не просто украшения. Это нетленные деньги. Ходи, сверкай, красуйся, и ни копеечки не потеряно, все до одной целешеньки — в ушах, на руках, на шее.

Но Зара в тот день не пришла, а пришел Коля-маленький. Пришел без вызова, сел напротив Надежды Ивановны и сказал:

— Я тут посижу, отдохну маленько. Ничего?

— Сиди,— ответила Надежда Ивановна.— Где устал так?

— В химчистке. Четыре вызова, один за другим...

Коля-маленький откинулся на спинку кресла, зевнул и закрыл глаза.

— Не спи,— сказала ему Надежда Ивановна.— Тут работа. А чтоб тебя в сон не клонило, ответь на такой вопрос. Что бы ты делал, если бы взял да и нашел две тысячи?

— Рублей? — Коля-маленький открыл глаза.— Как это что бы делал? В милицию бы понес. Объявление бы написал, к столбу прилепил...

— Такой честный? — не поверила Надежда Ивановна.— Ну, просто хоть в газету о тебе пиши.

— Так две же тысячи,— объяснил ей Коля-маленький,— это же не двадцатка, даже не сто рублей. Может, казенные кто потерял или копил всю жизнь. Человек же может из-за такой потери жизни лишиться.

— Хватит тебе страсти разводить,— рассердилась Надежда Ивановна,— ну, не нашел, а твои это две тысячи — подарили, наследство выпало...

— Я бы на них путевку туристскую купил. В Индию.

— А что там, в Индии? — глядя на него, спросила Надежда Ивановна.

— Ну, мечта, охота, интересно... Это не объяснить.

Тут в дверях появился Коля-большой, и маленький втянул его в эту беседу, задал вопрос про две тысячи.

Коля-большой сначала поглядел на потолок, потом вгляделся по очереди в Колю-маленького и в Надежду Ивановну. Пока он их разглядывал, ответ в нем созрел сам собой.

— Я бы их тратил,— с достоинством ответил Коля-большой.— Деньги для того и существуют, чтобы их тратить.

— Ишь какой ловкий,— Надежда Ивановна погрозила ему пальцем,— ты объясни толком, на что будешь тратить, что покупать.

— Что захочу. Хочу костюм — покупаю, хочу к морю — покупаю билет и еду отдыхать...

Все, о чем говорили, не подходило Надежде Ивановне. Поняла она лишь одно: деньги надо потратить так, чтобы потом не жалеть. Ведь тут такое дело: жили они, не тужили без больших денег, но уж коль их принесло — глупо да и обидно потратить их на то, на что можно не тратить. Как тут угадать необходимое, если никогда на ум это необходимое не приходило?

За всю свою жизнь Надежда Ивановна столько не думала и не говорила о деньгах, сколько пришлось за эти дни. Шла после работы домой, вспомнила разговор с Леной, с двумя Колями, и голова шла кругом. «Пусть Федя участок садовый покупает. И поскорей. Чтобы, как говорится, «купить и забыть». Так она думала, и слезы обиды сдавливали горло: не нужен, совсем не нужен этот участок, не полюбят его ни Лена, ни Сашка, а у нее даже на самый малюточный домик за городом нету уже просто сил.

Пришла домой, а там новая дискуссия. Сидят в столовой за круглым столом Федор, Саша и Лена — лица бледные, глаза горят.

Она еще плащ не успела в прихожей снять, а Федор уже позвал ее:

— Надя, как ты скажешь, так и будет. «Запорожец» в завкоме предложили. Последняя модель, замечательная машина.

— Мама, не оплошай,— закричал вслед за ним Сашка,— в твоих руках счастье всей семьи. На базар тебя возить буду!

«А как же садовый участок?» — хотела спросить она, но вслух сказала другое:

— Я есть хочу. С работы я пришла. Голова у меня болит от этих больших денег.

Они сразу все всполошились. Лена борщ бросилась разогревать. Федор хлеб резал. Сашка полотенце держал, когда она руки мыла. Надежда Ивановна села за стол, поднесла ложку ко рту и заплакала.

— Легкие это деньги,— плакала она,— с неба упали. Оттого и мучаемся мы с ними.

— Ешь,— виновато глядя на жену, сказал Федор Семенович. Он не привык к ее слезам и очень страдал, когда она изредка плакала.— Успокойся и ешь.

Он погладил жену по голове и поцеловал в макушку.

— Всей семьей заработаны эти деньги, и никто из нас не должник Дмитрия. И пусть голова твоя не болит от этих, как ты высказалась, больших денег. Наши две тысячи — трудовые, благодарные, радостные...

Так успокаивал он свою Надежду Ивановну, а дети стояли рядом и слушали.

— Ладно,— вытирая слезы, сказала Надежда Ивановна,— что вы вокруг меня, как возле больной, собрались?

Через полчаса все уселись вокруг стола в большой комнате, и Надежда Ивановна, оглядев свою притихшую семью, спросила:

— Так что это за счастье в моих руках, и кто это меня на базар обещал возить?

— Я обещал,— ответил Саша,— если купим «Запорожца».

— Сашка за рулем, папа рядом, а мы с тобой сзади.— Это сказала Лена.

— И куда это мы все вместе едем?

— На Кавказ! В Прибалтику! В Суздаль!

— Куда глаза глядят. Куда дорога, туда и мы.

— В начале лета — куда-нибудь к реке, а в конце лета — в лес, по грибы. — Это сказал Федор Семенович.

— Что ж,— подумав, ответила Надежда Ивановна,— поехали!

И только все они так славно сошлись в своих желаниях, только впустили свою мечту на новенькие сиденья новенького «Запорожца», как тряхнуло машину на ровном месте, и очнулись и побледнели от нежданного ухаба счастливые пассажиры.

— Три тысячи пятьсот? — переспросила Надежда Ивановна и грустным голосом закончила: — Не хватает тысячи.

— Тысячи пятисот,— подсказала Лена.

— Тысячи,— не вдаваясь в подробности, подтвердил слова жены Федор Семенович.

— Может, у нас есть облигации трехпроцентного займа? Так их можно продать за полную стоимость.— Это из Сашки вылез тот второй человек, который соседствовал рядом с умным.

— Нет у нас таких облигаций,— ответил Федор Семенович.

Они замолчали, но это было не безнадежное молчание. Они ждали. Ждали, когда вступит в действие тот жизненный закон, по которому из каждого безвыходного положения есть выход.

— Надо у кого-нибудь занять,— сказала Надежда Ивановна.

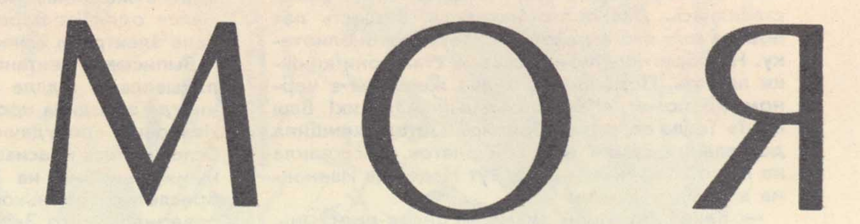
— У кого? — спросил Федор Семенович.

— Ни у кого! — выкрикнула Лена.— Я придумала! У Димы осталась тысяча. Надо срочно дать телеграмму — пусть высылает.

— Это уж чересчур. Это неблагородно.— В Сашке на этот раз заговорил умный двойник.

* * *

Надежда Ивановна и Федор Семенович не стали просить тысячу у старшего сына. И младшим не сказали, где, у кого, на какой срок взяли взаймы деньги. Долг они выплатили, он исчез, а машина осталась. Та самая, какую хотели,— «Запорожец». Если увидите где-нибудь на шоссе Минск—Москва или Симферополь—Ялта, помашите им вслед. И не сочувствуйте: мол, не догнать тебе, не перегнать никого, малютка «Запорожец». Просто у них отпуск, и они никуда не спешат.

Евгений **АНТОШКИН**

•

Он живет своей заботой,
В стороне от шумных трасс...
В спецмашинах на работу
Мчит с утра
Рабочий класс.

Здесь привыкли к звону стали,
Здесь словам иным почет:
Тугоплавкие детали,
Космос,
Топливо,
Расчет.

Где-то лайнеров сигары...
Где-то спутники бегут...
И небесные радары
Зорко небо стерегут.

И пока,
Туманом скрытый,
Мир еще разнежен сном,
Вновь мой город знаменитый,
Синей дымкою повитый,
Реактивный цедит гром.

•

Я приносил в избу-читальню
С февральской улицы мороз
И в тишине исповедальной
По строчкам думы свои нес.

Строка к строке,
Как год за годом,
И были в них заключены:
И биография народа
И география страны.

Неутоленной жаждой знаний
Я все скорей постичь спешил.
И, словно
На телеэкране,
Тревожный мир дышал и жил.

Мороза жгучие волокна
На стеклах пряла тишина.
Через заснеженные окна
Глядела колкая луна.

Она над всем земным
Парила.
Следя за мной
Через окно,
Она как будто говорила,
Что все прочитано давно.

Недаром путь проложен давний
Ее
Сквозь звездные пути.
«О чем,
Укрывшийся в читальне,
Ты сможешь праведно судить?..»

Но, обозрев моря и страны,
Теперь скажу ей:
Мне видны
Промерзшие ее вулканы
И с той
И с этой стороны.

•

Солнце,
лес,
тишина,
Дали неоглядные —
Все моя сторона:
Светлая,
Нарядная.

Как пройдет
веселый гром,
Прошумит над мельницей,
И мой дом
над бугром
Зазвенит,
Засветится.

А вдали
блеснут пруды.
А за ними
рощица,
И весенние сады
На ветру полощутся.

А за песенным столом —
Сам увидишь
В яви —
Каждый дом,
Каждый дом
Дружит
с соловьями.

•

Я шел стороной неухоженной,
Пленяла лесов красота.
Похвасталась бабка прохожая:
— Грибные здесь были места.

Но просеки,
Некогда чистые,
Теперь забурьянил сорняк...—
Глядела вослед,
Любопытствуя,
Но нет,
Не узнала меня.

И слышались
Звоны осинника,
И мягко шумел
Березняк.
Дорога по просекам зимника
Вползла на разбитый большак.

Трава,
Долго ждавшая дождика,
На солнце блестела,
Как шелк.
По листьям сухим
Подорожника
Я молча к деревне
Пошел.

Низину туманами вышило,
Но сладкая,
Как в полусне,
Тревожная песня
Послышалась
От ветхих домов
В стороне.

Я помню,
Как в ноченьку темную,
Когда не хотелось мне спать,
В осеннюю пору
Студеную
Ее напевала мне мать.

Как в давнее,
Позабытое,
На радость
И ласку скупа,
Изрубленная
Копытами,
Бежала,
Бежала
Тропа.

То лесом,
То юрко
Угорьями,
Где струи Оки
Расплелись,
Где тихо
С московскими зорями
Калужские зори
Сошлись.

•

Нет, душой мы
Не обнищали —
В моей родной стороне
Золотое,
Как обещанье,
Слово даровано мне.

Я его завороженно слушал
И на вкус ощущал языком.
И оно мне
Светлило душу,
Добрым гостем стучалось
в дом.

Я к нему подступался
несмело,
А оно,
Проникая в сердца,
То глазами любимой
глядело,
То светилось улыбкой
отца.

•

Степь тюльпанами покрылась.
И опять
Парит над ней,
Распластав степные крылья,
Южный ветер —
Суховей.

Отшумела непогода,
Хороводы стихли вьюг.
И ожившая природа
Свадьбу празднует свою.

Развернувшись полукружьем,
Звездный выверив маршрут,
Вновь над степью
Оренбуржья
Птицы вешние плывут.

Ей теперь,
Живой,
Не спится:
Пусть поют
И гнезда вьют...
Ветка ветке,
Птица птице
Весть о ней передают.

•

Дочери Елене.

О Русь...
Моя Отчизна...
Земля, навек святая!..
Пока живу,
Дышу —
Тебя всегда
пою.
Когда уходит ночь
И над землей
светает,
Я с именем твоим,
Земля моя,
встаю.

В февральский зимний день
Твой мир и мне
Открылся.
От счастья мой отец
Улыбки скрыть
не смог...
Он одного хотел:
Чтоб я тобой
гордился,
Чтоб я тебя
любил,
Чтоб я тебя
берег.

Он сквозь окно глядел —
Цвел на ресницах иней,
Ко мне скорей,
скорей
Душа его рвалась.
А ты была со мной,
А ты дала мне
Имя
И ласково в ответ
Россией
назвалась.

Светлы твои поля,
Твои края
святые.
Их все не облетишь,
Их все не обойдешь.
То в образе
жены,
То матери,
Россия,
Ты предо мной всегда,
Родная,
Предстаешь.

И дочери моей
Сказала утром:
— Здравствуй!..
Вовек ее никто
с тобой
не разлучит.

ЗЕМЛЯ

И я ей говорю:
— Храни свой дом
И властвуй!
Пусть вечно слово
«Русь»
В устах светло
Звучит.

●

Идут года сороковые...
И день
И ночь
С пустой сумой
Я познаю тебя,
Россия,
Идя дорогою
Земной.
Босыми шлепаю ногами
По просекам,
По большакам,
Смотрю на звезды
Вечерами,
Считаю утром
Облака.
То в стог валюсь заледенелый,
То в дом стучусь —
Незваный гость,
То на ночлег
Прошусь несмело,
Протягивая зерен
горсть.
Душа от боли
Не ослепла,
Не покорилася
Судьбе.
И все сильней росла
И крепла
Моя привязанность
К тебе.
Любовь — земля моя,
Россия,
Я думой жил с тобой
Одной,
Когда,
Как версты столбовые,
Тревожные
Сороковые
Мели снегами
Над тобой.

●

Я на этой земле
рос,
Мне она —
Навсегда.
Видишь —
Восходит рожь,
Стремительная,
Как вода.

Я пил
Из того ключа,
В котором железо
И медь.
Нагнись —
Он станет звучать,
А потом
Петь.
Мой предок пришел
сюда —
Могуч,
Русоволос.
И, как дерево,
Навсегда
В эту землю
Врос.

И, с судьбою
Затея спор,
У свежих
Стропил,
Отложив на минуту
Топор,
Родниковую воду
Пил.

И голос его
Стыл
Над безмолвьем
Земли.
И под взглядом его
Цветы
Цвели.

Он и холод терпел
И зной —
Душой
Смел.
От земной красоты
Весной
Хорошел.

Эту землю
Ничем не убьешь,
Ей цвести
Сквозь года.
Видишь:
Восходит рожь,
Стремительная,
Как вода.

●

Вокзал кипел, как муравейник...
Среди дорожной суеты
Бесшумно плыли,
Словно тени,
Улыбки...
Слезы...
И цветы...
Мгновения последней ласки
Всю душу сразу всколыхнут...
И нет стремительней развязки,
И нет томительней минут.
Знать, слов у расставанья мало?
Спросила:
«Встретимся когда?» —
Хотя душою сознавала,
Что расстаемся навсегда...

О чем душа ее скорбела?
Какую боль я ей нанес?
И долго все вослед глядела
Глазами, синими от слез.

●

Родная, русская природа —
Венец прекрасного всего.
И боль,
И радость ты народа,
И вечная любовь его.
Тебя нередко называем
Непритязательной,
Скупой,
Как будто ты
Цветущим маем
Не ослепляешь красотой.
Я радостный встаю
с рассветом,
Иду в луга,
Иду в леса.
И веют свежестью
И летом
Разбуженные небеса.

Не оттого ли
Сердце бьется
Под песнь ручья
И соловья,
Когда былинка в поле
гнется,
Как младшая сестра
твоя?
И взгляд
Навек ее запомнит.
Она влечет
Не пестротой,
Она тебя любовью
полнит
И наделяет
Красотой.
Прошли века уже,
Как годы.
Но кто-то
Все бросает клич
Тебя,
О русская природа,
Холодным разумом
постичь.

●

Осенних листьев вороха —
И груды пепла.
Летит сгоревшая труха,
В дыму ослепла.

Вот это клен горел листвой,
А это вишня.
А это мы брели с тобой —
Любовь не вышла.

И только листьев вороха
И груды пепла.
И только черная труха
В дыму ослепла.

●

Утка на Москве-реке
Опустилась,
Приютилась.
И скорей,
Скорей в нырке
Промышлять еду
Пустилась.
Посредине катерок
Пропыхтел,
Водою обдал,
Словно встречный ветерок,
Вдруг погнал на берег
Воду.
Воздух ряскою пропах,
В бурунах вода клубится.
Равнодушно косит глаз
Утка —
Пуганая птица.
В городской сидит черте,
В городской пейзаж
Вписалась.
Заблудилась в суете
Иль по глупости
Осталась?
Среди всякой городьбы
Вдруг устроилась неплохо:
Не слыхать вокруг пальбы,
Только гул стоит
И грохот.
— Где гнездовье твое,

Что лепила ты
С любовью?
Здесь мазутом обдает,
Там свинцом
В замесе с кровью...

Над обманной тишью рек
Стаи птиц несутся с кличем...
И глядишь ты,
Человек —
И защитник
И обидчик.

●

Какая тихая вода!
Но ты,
Увлекшийся игрою,
Не жди,
Пока над головою
Она сомкнется навсегда.
Она сулит тебе удачу —
Легко держи весло в руках,
Волна пока смешно судачит
О самых разных пустяках,
И ширь от края и
до края
Откроется издалека,
Где, словно радуга земная,
Над лугом выгнулась река.
Отстанут сразу охи, вздохи,
И ты один,
один,
один...
И все заботы и тревоги
Растают где-то позади.
Но, как бы вниз ни плыл ты
ходко,
Все ж
Станет боязно тогда,
Когда вокруг лишь ты
и лодка
И странно тихая вода.

●

Лопушатся ботвою гряды,
Тянут стебли во все концы.
И взрываются,
как гранаты,
Переспелые огурцы.
Мир тревожный
и многоликий
Отзовется в душе огнем,
Если кустик лесной земляники
Спелой ягодой подмигнет.
Даже воздух от ягод сладок,
Говорят:
— Високосный год!
И созвездия ранних яблок
Разукрасили небосвод.
Вновь июль
Правит звонкие косы —
И у лета своя судьба:
То пойдет по лугам
сенокосным,
То уйдет
в золотые хлеба.
Щедрым гостем
Проходит лето...
А когда оглянется назад,
Вдруг увидит,
Как медленно с веток
Начинается листопад.

КОЛЛЕГИЯ СЛУШАЕТ

«Огонек» на БАМе

Б. СОПЕЛЬНЯК

На БАМе десятки бригад включились в конкурс, объявленный Министерством транспортного строительства СССР, ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, штабом ЦК ВЛКСМ на БАМе и редакцией журнала «Огонек»: кто будет первым в соревновании бригад, работающих на подряде, кто, используя хозрасчет, добьется наивысшей производительности труда, максимальной экономии материальных и трудовых затрат? Одну из таких бригад возглавляет бригадир треста «Бамстроймеханизация» Н. К. Синкевич. О его отчете на коллегии министерства — публикуемый репортаж.

Заседание коллегии Министерства транспортного строительства началось, как всегда, ровно в десять. Открыл заседание первый заместитель министра Н. И. Литвин.

— Товарищи,— сказал он.— Мы должны рассмотреть очень важный вопрос: о внедрении в организациях министерства бригадного подряда на земляных работах, выполняемых комплексными механизированными бригадами. Дело для нас новое, интересное, и, прежде чем давать какие-либо рекомендации, мы хотели бы выслушать людей, которые метод Николая Злобина уже внедрили. Сегодня у нас выступит бригадир треста «Бамстроймеханизация» Николай Кириллович Синкевич. Он одним из первых освоил метод бригадного подряда. Прошу вас, Николай Кириллович!

К столу подошел невысокий, ладно скроенный человек. Неровно позванивают ордена и медали. Крепкие пальцы комкают густо исписанные листки.

Вот так же волновался бригадир, когда рассказывал мне об одном эпизоде своей жизни. Не любит вспоминать о нем Николай Кириллович, но все же рассказал... А началось все с того, что я спросил, за какую стройку получил он орден Ленина.

— Хребтовая — Усть-Илимская. Дошел со своим экскаватором почти до самой плотины.

— И прямо оттуда на БАМ?

— Нет. Из Усть-Илима сначала в Находку. Там прокладывали железную дорогу до нового порта, «Восточный» называется. А оттуда уже на БАМ.

И тут Николай замолчал. Надолго замолчал. А потом вздохнул и рассказал о том самом эпизоде.

Николай Кириллович — коренной сибиряк. Родился в Красноярском крае. Школу окончил сразу после войны. Время было трудное, семья большая, и подался старший сын в МТС. Думал, сразу посадят на трактор, а его — к кузнецам. Многому тогда научился Николай и не раз благодарил судьбу за ту науку. Потом служил в армии, вернулся с правами шофера, женился, стал отцом двоих детей. И вдруг сорвался на стройку: железнодорожная магистраль Абакан — Тайшет. А проходила дорога в пятидесяти километрах от родного села... Мотался Николай на МАЗе, возил землю для насыпи, а каждую свободную минуту помогал экскаваторщикам. Редко, но бывает так в жизни — работает человек, занимается вроде бы интересным делом, и вдруг в какой-то момент будто озаряет его: остановится перед каким-нибудь станком, картиной или кораблем, и всё — судьба решена. Вот оно, то, ради чего он на свет появился!

Для Николая Синкевича таким озарением стал экскаватор. Все перекуры, обеденные перерывы да немало часов и после смены простаивал он возле этой машины. В конце концов договорился так: он учит экскаваторщика ездить на МАЗе, а тот его — своему делу. Через месяц Николай работал не хуже своего учителя, а экскаваторщик с удовольствием крутил баранку.

Так Николай пересел из теплой кабины грузовика в холодный стеклянный «скворечник» экскаватора. Пока, правда, самовольно. Узнал об этом главный инженер мехколонны. Думали, снимет Николая с экскаватора и накажет. Тот и снял, но только для того, чтобы бывший шофер сдал экзамены и получил удостоверение машиниста. В общем, километров сто на магистрали Абакан — Тайшет отсыпано руками Николая Синкевича.

А потом и случилось то, о чем он не любит вспоминать.

Морозы, жизнь в вагончиках, отсутствие удобств, переезды со стройки на стройку, трудности с учебой детей — все это порядком надоело, и Николай решил вернуться к оседлой жизни. Закончил работу в Находке, купил в Шушенском домик и снова стал шоферить. И все бы хорошо, если б не тянуло к прежнему. Пока по поселку едет — ничего, терпимо. Но стоит попасть на стройку и увидеть экскаватор — мочи нет.

Так бы, наверное, и маялся, если бы не телеграмма от начальника мехколонны, где раньше работал. «Приглашаю в Тынду тчк. Будем строить БАМ восклиц. Экскаватор новый емкость ковша куб с четвертью тчк». Телеграмма пришла седьмого марта, а через день, девятого марта 1972 года, Николай Синкевич был в Тынде.

Мы немного отвлеклись от темы — выступления бригадира на заседании коллегии. Но я думаю, об этом эпизоде стоило рассказать: именно он помогает понять силу и целеустремленность характера Николая...

— Товарищи! Мы работаем на бригадном подряде уже больше года. Бригада оснащена новой, хорошей техникой: один экскаватор, один бульдозер и шесть автосамосвалов. Обслуживают эту технику восемнадцать человек, которые...

— Знаете что, Николай Кириллович,— мягко перебил Н. И. Литвин,— вы, пожалуйста, успокойтесь. Ведь все, кто сидит в зале, не экзаменаторы ваши, а ученики. Уверяю, мы предмет знаем хуже вас... Давайте попробуем так: отложите все бумажки и расскажите о своей работе. Просто расскажите. А что будет не ясно, мы спросим. Договорились?

Николай Кириллович приободрился и окончательно скомкал густо исписанные листочки.

— Бригадный подряд на БАМе начинал не я. Первым испытывал его Майборода. Когда пришел к нему за советом, он все растолковал про метод Злобина, а под конец сказал: «Работать интересно. Но спокойно спать не будешь». Ничего, думаю, это привычно. На стройке кто же спит спокойно... Рассказал я обо всем руководству мехколонны. Меня поддержали и спросили, какая нужна помощь. Я просил только одно: дать право самому подобрать бригаду. Дело прошлое, но могу признаться, что было это непросто. Энтузиастов у нас много, мне же мастера нужны. И не просто умелые, а думающие, инициативные работники и бережливые — бережливость в нашем деле многое решает.

Прежде всего я подобрал себе хорошего напарника — работаем мы в две смены и зимой и летом. На Юрия Назарова могу положиться, как на себя. Он прекрасный машинист и башковитый парень. Дальше... Как бы хорошо ни работали экскаваторщики, землю-то вывозят шоферы. С ними я повозился немало, зато теперь такие, как Леша Полонский, Юра Ноздрин и Вася Шелуденко,— помощники не только в вывозе грунта.

Бригадный подряд — это ведь когда один за всех, все за одного. Раньше как было? Экскаваторщики — сами по себе, бульдозеристы и шоферы — на особицу. Затеяли шоферы, скажем, техобслуживание машин, а я в стороне — сижу, жду. Или наоборот: они стоят в очереди, а я решил пообедать или смазать какой-нибудь агрегат. Теперь все иначе. Допустим, у экскаватора порвался трос. Чтобы заменить его, мы с помощником тратили целый час. Прежде шоферам до этого дела не было: поглядывают на нас и курят. А теперь без всяких просьб бросаются помогать. Итог: на замену троса уходит всего двадцать минут.

Или другое. До бригадного подряда шоферы только после моего сигнала подъезжали под ковш. Сейчас на все эти сигналы не

Н. К. Синкевич.

БРИГАДИРА

уходит ни секунды: ребята сами следят за моей работой и в нужный момент подают машину.

Один самосвал вмещает шестьсемь ковшей. Так вот прежде на то, чтобы набрать и высыпать один ковш, я тратил двадцать секунд, а теперь — пятнадцать. Значит, на загрузке одной машины сберегается полминуты. А сколько набегает за день!

Мы стремимся быть бережливыми буквально во всем. При заправке стараемся не пролить ни капли горючего. До сих пор было так: приезжает цистерна, а мы банками и ведрами таскаем бензин, масло и заливаем в свои баки. О том, какое на это тратилось время, я уж не говорю. А вот сколько добра уходило в землю! Теперь заливаем баки только через автозаправщик, оборудованный специальным пистолетом. Кроме того, шоферы внесли еще очень дельное предложение. Наш карьер в семидесяти километрах от поселка. На ночь самосвалы всегда гнали в гараж, а утром — обратно. Сто сорок километров холостого пробега в день! Зачем? А износ резины! Дорога-то не асфальтовая. Сейчас самосвалы ночуют в карьере.

Или такой вроде бы пустяк. Зима у нас, как известно, суровая, морозы до пятидесяти градусов. Машины за ночь так остывают, что на разогрев двигателей каждое утро приходится тратить не меньше часа рабочего времени. Тратили — ну и ладно. Мы-то при чем? Мороз, так сказать, стихия. Теперь нам невыгодно собственную бесхозяйственность списывать на погоду: счет идет не на часы, а на минуты, не на рубли, а на копейки. Короче говоря, мы решили: один человек остается на ночь в карьере и время от времени запускает двигатели всех машин, не давая им остыть. Утром приезжаем на смену и с ходу начинаем работу. А результат такой. Годовой план бригада выполнила к Дню Победы — девятого мая. До конца года дадим еще один план, а то и больше!

— Николай Кириллович, те мероприятия, которые вы провели в бригаде, требовали серьезных расчетов и, я бы сказал, основательной инженерно-технической подготовки. Помогали вам работники инженерных служб мехколонны или вы все сами? — спросил заместитель министра.

— Сами. К сожалению, все сами. Хотя помощь ИТР нам бы очень пригодилась.

— Вы работаете в зоне вечной мерзлоты?

— Да.

— А почему же не упомянули о взрывниках? Без них-то вам и шагу не ступить.

— Увы, Николай Ильич! Без них действительно ни шагу. Но это разговор особый. Вечная мерзлота, она ведь хуже гранита. Прежде чем заложить взрывчатку, бурят скважины. В граните пробурил, вытащил сверло, и в камне остается аккуратная скважина. Мерзлота же тает, плывет: вытащишь сверло, а скважину тут же засасывает. Видимо, нужно разработать какую-то новую технологию бурения скважин для такого грунта.

— Минуточку, Николай Кириллович!— перебил Н. И. Литвин.— Я обращаюсь к присутствующим здесь директорам НИИ и начальникам конструкторских бюро. Вы слышали, что сказал бригадир? Возьмите это на карандаш и немедленно займитесь решением проблемы... Продолжайте, Николай Кириллович.

— Мы бы, может, и сами что-нибудь придумали, но к взрывникам нас близко не подпускают. Они, мол, из другого ведомства, и все тут! А как они нас задерживают! Перед отъездом в Москву я два дня сидел без дела: не было фронта работ. Мы боремся за каждую секунду, а тут два дня! Поэтому я предлагаю включить взрывников в нашу бригаду. Если они будут работать вместе с нами на бригадном подряде, дело пойдет иначе. Вот увидите.

И еще. Технология составлена так, что мы не сдаем насыпь под укладку железнодорожного полотна. После нас приходят люди, которые насыпь обрезают, делают откосы, водосточные канавы и тому подобное. А ведь все это могли бы делать мы! Только надо добавить в бригаду десять рабочих, один бульдозер и два экскаватора. Мы подсчитали: выгода будет большая... Если коллегия министерства наше предложение поддержит, этот почин подхватят и другие бригады.

Николай Кириллович достал платок, вытер вспотевший лоб, залпом выпил стакан воды и сел на место.

— Спасибо, Николай Кириллович, за интересный рассказ,— поднялся Н. И. Литвин.— Думаю, что вы подбросили немало работы всем членам коллегии. Проблемы, которые вы поставили, надо решать, и решать немедленно. Ведь в нашем министерстве по методу Николая Злобина работает сто тринадцать комплексных механизированных бригад, а будет еще больше. Уверен, что всем им приходится биться над теми же вопросами, над которыми бились вы. Наша задача — помочь им, сделать так, чтобы опыт лучших стал достоянием всех. И мы это сделаем!

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. И. БАНЫКИНА

О ВЕСНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ...

Знакомиться с писателем — это значит читать его книги. Если исходить из этого, можно считать, что я впервые познакомился с Виктором Ивановичем Баныкиным, прочитав его повесть «Весной в половодье».

Название этой книги весьма символично... Два слова — «весна» и «половодье» — как бы сопровождают Виктора Баныкина в течение всего его творческого пути.

Он писал и пишет о весне человеческой жизни — о детстве и юности, о больших и сложных проблемах, волнующих человека, только вступающего на жизненную дорогу. Не буду перечислять его книги — их десятки. И все они проникнуты любовью к юному гражданину, сердечной заботой о его сегодняшнем и завтрашнем дне.

Второе слово, которое присутствовало в заголовке той давней повести писателя,— половодье. Оно тоже символично, ибо В. Баныкин всегда повествует о половодье юных мечтаний, стремлений, чувств, без которых трудно представить себе весеннюю пору жизни. Это слово характерно для творчества писателя и потому, что родом он с Волги, что просторы полноводной русской реки всегда были его любовью и его вдохновением.

И еще очень важно: Виктор Баныкин воспитывает наших дорогих мальчишек и девчонок людьми, не мыслящими существования без труда, настоящими созидателями, творцами.

Он учит наших ребят всем сердцем любить родную природу, зорко и нежно оберегать ее. Картины русской природы не только присутствуют в произведениях Виктора Баныкина — они являются как бы их персонажами, одними из главных действующих лиц.

Виктор Баныкин — писатель со своим почерком, со своей (очень большой!) темой, со своими героями. Этим героям сегодня еще немного лет, но уже завтра они станут строителями справедливейшего в истории общества.

Как известно, М. Горький назвал советскую детскую литературу «великой державой». Можно сказать, что в этой «державе» есть много краев и областей, разных направлений, разных тем, разных жанров. Своя «область» есть и у Виктора Баныкина: это благородная сфера воспитания юного гражданина человеком труда, деятельным участником нашего великого дела.

Анатолий АЛЕКСИН

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Творчество Леонида Ленча, гроссмейстера веселого цеха юмористов, служило и служит людям — и тем, о ком он пишет, и огромной армии ценителей тонкой и задорной иронии. Знакомясь с однотомником его избранных произведений, читая заново рассказы писателя, то вернешься к довоенной, дотелевизионной эпохе, когда уже звучало по радио имя молодого Ленча, то вспомнишь нелегкие годы войны, когда юмор, смех, веселая шутка помогали в борьбе с врагом, а то и с неким современником встретишься, которого писатель-юморист не обходит вниманием.

Люди от души смеялись, слушая в исполнении В. Хенкина еще в 30-е годы остроумный рассказ «Сеанс гипнотизера» или рассказ-шутку «Соль жирных кислот». А кто не помнит часто звучавшую уже после войны со сцены и по радио новеллу «Неразборчивый почерк», в которой приемщица телеграмм неумолимо допытывается у растерявшегося старичка, кого тот целует — «лапочку» или «лампочку»...

Ленч при всей определенности его манеры может быть очень разным. И иногда лиричным, когда, например, описывает случай «в дачном поселке под Москвой, на тихой улочке, заросшей травой, в маленьком деревянном домике, почерневшем от времени и дождей». В одних рассказах чувствуется Ленч-газетчик, фронтовой журналист, в других — зрелый драматург, в третьих — чуть грустный лирик. Он не боится ввести себя в качестве действующего лица в гущу персонажей рассказа, он живет среди них, и по нему, по его реакции, по его репликам читатель сверяет свои оценки правды и фальши, благородства и подлости. Есть в его рассказах просто улыбка над слабостью, человеческой промашкой, а есть сарказм — там, где он сердится не на шутку.

Рассказы Ленча боевиты, и действенны, и не стареют, несмотря на «возраст» (таков, например, «Падший ангел» и другие новеллы). А словотворчество Ленча — это особая тема. К примеру, скажет писатель о нечистом на руку человеке — «крупный карась, жулябия высшего разбора»,— и это остается в памяти.

Сборник «Избранное» Ленча — это встреча с умным, тонким собеседником, страстным борцом за все прекрасное в человеке. И, судя по последним его рассказам, опубликованным в периодике, Леонид Ленч — неутомимый служитель музы юмора и сатиры, почетный член многих сатирических объединений, бессменный автор журнала «Крокодил» — не собирается складывать оружие.

Ю. НОВИКОВ

Леонид Ленч. Избранное. М., «Художественная литература», 1975, 560 стр.

В ТУРГЕНЕВСКОМ ЛУКОМОРЬЕ

Владимир ГРОМОВ,
кандидат филологических наук

Фото Б. КУЗЬМИНА

«В от я и снова в моем старом гнезде...»

«Вот я и Дома...»

Думается, что именно эти слова, которыми начинаются многие послания писателя из Спасского-Лутовинова, произнес бы он и теперь, доведись ему вновь переступить порог родной усадьбы, где недавно был открыт для посетителей реставрированный мемориальный Дом-музей Ивана Сергеевича Тургенева.

Из окрестных сел и деревень, от автомагистрали Москва — Симферополь и железнодорожной станции Бастыево ехали и шли в то сентябрьское утро люди, чтобы исполнить предсмертный завет великого художника слова — поклониться его возрожденному дому, саду, могучему дубу, всей тургеневской земле, откуда «на тысячу верст кругом Россия — родной край». Сама природа — золотистые, залитые солнцем поля, рощи и перелески — в этот знаменательный день словно отдавала вместе с людьми дань особого уважения своему непревзойденному певцу, умевшему говорить и писать о ней, как о чем-то одушевленном, живом; непоколебимо убежденному с юношеских лет в том, что «тесная связь человеческого духа с природой — не случайно самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни».

Слитность самобытной и сложной личности Тургенева с русской природой, с той обстановкой и средой, в которых он вырос, жил, напряженно трудился, глубоко определил Л. Н. Толстой в дневниковой записи, сделанной 31 мая (12 июня) 1856 года после первого посещения Спасского-Лутовинова: «Дом его показал мне его корни и много объяснил». Слово «дом» употреблено здесь не только в прямом, но и в более широком смысле, что видно из письма Толстого к Некрасову, ранее гостившему в усадьбе Тургенева: «Его надо показывать в деревне...»

Здесь, «в самом сердце степей, в глуши», как называл Тургенев родную округу, он с детских лет привык чувствовать себя дома, в своей стихии. Из Москвы и Петербурга, из Берлина, Парижа, Лондона, Рима его постоянно тянуло «туда, туда, в раздольные поля», «в деревню, в темный сад, где липы так огромны, так тенисты и ландыши так девственно душисты, где круглые ракиты над водой с плотины наклонились чередой, где тучный дуб растет над тучной нивой, где пахнет конопелью да крапивой...» Тут впервые послышалась ему с проселочной дороги «унылая песенка мужика, неровно прерываемая толчками телеги». Именно в Спасском, где Тургенев провел большую часть своего детства, постигал он простонародное отчее слово, глубоко и жадно вдыхал чистый «воздух родных мест». Здесь открылась ему русская правдивая горячая душа — в метких оборотах речи, в проникновенных поговорках и мудрых пословицах, будто вырвавшихся из самого сердца, в сказках, былинах, песнях, о которых он позднее говорил: «Было время, что я с ума сходил от народных песен... вот где бьют родники истинной поэзии».

Все это, очевидно, и дало ему повод, а также особое право назвать однажды свое «захолустье», свой «Патмос», то есть остров, где, по преданию, нашел убежище апостол Иоанн, но чаще всего означающее «старое», «любимое», «отчее», «родное гнездо», фольклорным пушкинским словом «Лукоморье», то есть живым обиталищем муз, поэтической колыбелью. В этом не было никакого преувеличения, потому что большинство его произведений то ли задумано, то ли так или иначе навеяно, то ли даже написано полностью или частично в Спасском. «Пишется хорошо,— убежденно заявлял он за несколько лет до своей кончины,— только живя в р у с с к о й деревне. Там и воздух-то как будто «полон мыслей»... Мысли напрашиваются сами».

Спасское Тургенев неизменно называл деревней, затерявшейся «в самой глубине России». Своим корреспондентам писатель обычно советовал взять карту и провести пальцем от Москвы по направлению к Черному морю через Тулу на Орел, где в 1818 году он родился. Между этими двумя городами, ближе к последнему, находится Мценск, недалеко от которого и расположено Спасское-Лутовиново. От станции Бастыево, особенно с площадки, где установлен бюст Ивана Сергеевича, хорошо просматривается прямая дорога к усадьбе, а также видны вправо и влево ее ближайшие лесостепные окрестности — все эти, как писал Тургенев в рассказе «Стучит!», раздольные, пространные, «прямо русские, русским людом любимые места, подобные тем, куда езживали богатыри наших древних былин стрелять белых лебедей и серых утиц...».

Автор «Записок охотника» — «поэтической обвинительной речи против крепостничества» — представляется нам теперь и сам одним из тех богатырей великой русской литературы, ее «золотого века», которые во имя служения угнетенному народу, прогрессу и просвещению должны были, по образному выражению Герцена, «оставить городскую жизнь, взять охотничье ружье и бить по земле и на лету дичь крепостного права». Исходной точкой литературной деятельности Тургенева явилась его великая, жизнеутверждающая, глубоко патриотическая книга о России и русских — цикл вечно юных и вечно образцовых рассказов и очерков с их неумирающими типами...

Даже теперь, когда мы заходим в парк мимо восстановленной «богадельни», которая была построена писателем для престарелых, или около сторожки, где при Тургеневе стояла открытая им школа для крестьянских детей, нам так и кажется, что вот выйдет сейчас навстречу Иван Сергеевич — огромного роста, широкоплечий, с румяным лицом чисто русского склада, обрамленным снежно-белыми волосами, точно сказочный герой, великий, красивый, могучий,— посмотрит добрыми умными глазами, приветливо улыбнется и скажет, как писал одному из своих корреспондентов: «Мой домик скромен и мал — это единственный остаток значительно более обширных строений, которые сгорели» в 1839 году. После кончины писателя его наследница О. В. Галахова, жена орловского вице-губернатора, вывезла из Спасского библиотеку и всю подлинную обстановку, национализированные в 1918 году и ставшие тогда же основой литературно-мемориального музея в Орле — городе, вспоившем, по словам Н. С. Лескова, «на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город». Подлинные вещи Тургенева возвращены теперь на свое прежнее место, поскольку дом, сгоревший дотла в 1906 году, восстановлен в том виде, какой он имел в последний приезд писателя на родину — летом 1881 года.

Осмотр «родительского ковчега», как называл дом Тургенева гостивший у него в Спасском Я. П. Полонский, начинается со столовой. Тут мы имеем возможность услышать в самом прямом смысле «глагол времен, металла звон»: в углу стоят описанные в повести «Бригадир» и действующие доныне «громадные английские часы в виде башни». Они указывают, кроме времени, число месяца. Под их размеренный ход и мелодичные перезвоны тут же вспоминаешь, что над многими своими произведениями писатель работал в разные годы в Спасском и стремился, по его словам, воплотить в надлежащие типы «быстро изменявшуюся физиономию русских людей культурного слоя» в неразрывном единстве с тем, что Шекспир определял как «самый образ и давление времени».

В Спасском рождались многие из тех образов, без которых вот уже второе столетие никто не может представить себе русскую и мировую литературу. «В настоящее время,— сообщал, например, 31 марта (12 апреля) 1859 года писатель из своего «Лукоморья» Полине Виардо,— я испытываю родовые муки. В голове у меня есть сюжет романа, который я беспрестанно верчу и переворачиваю; но до сих пор ребенок отказывается появиться... Терпение, ребенок родится, может быть, несмотря ни на что, жизнеспособным». Этим «ребенком» был роман «Накануне», в десятой главе которого, в частности, упомянута весьма примечательная «реалия» Спасского дома, останавливающая наше особое внимание и теперь, поскольку она была выразительно охарактеризована позднее Тургеневым в одном из его писем к Флоберу: «Здесь есть, между прочим, и опасный диван — стоит лишь на него прилечь, как уже спишь. Постараюсь его избегать».

«Самосон» находится в малой гостиной, из которой мы попадаем в гостиную большую или, как ее называли, угóльную, потому что она занимает просторную угловую комнату. Здесь обстановка сохранилась с большой полнотой и позволяет представить себе Тургенева в его родной стихии за оживленной беседой с приезжавшими к нему в Спасское Н. А. Некрасовым, Л. Н. Толстым, Д. В. Григоровичем, А. В. Дружининым, А. А. Фетом, Я. П. Полонским, М. Г. Савиной и многими другими замечательными людьми. Иные из них, как, например, В. М. Гаршин, гостили в Спасском в отсутствие Тургенева, поправляли там свое здоровье, собирали материал для творчества, работали над рукописями.

«Пишу тебе в твоем кабинете,— сообщал ему, например, В. П. Боткин из Спасского в августе 1864 года.— Сегодня ночевал на твоей кровати; вот твои шкафы с книгами. Когда я встал с постели (отделенной ширмами.— **В. Г.**) и вышел в твой кабинет, на столе которого

Дом-музей И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове.

писалось лучшее твое произведение «Дворянское гнездо»,— то на меня грустно смотрел твой ягдташ, повешенный на этажерке... Все напоминает тебя».

Представление о постоянной и напряженной работе Тургенева в Спасском дает также огромная семейная библиотека, о которой в повести «Фауст», где содержится довольно точное описание усадьбы и, по словам автора, «все изображено с натуры», сказано, что там были книги не только его родителей, но и бабки и даже прабабки, наряду с теми, которые он постоянно привозил сам. Ценнейшим пополнением библиотеки явилось книжное и журнальное собрание Белинского, приобретенное Тургеневым после смерти его идейного наставника и друга. «Книг здесь,— написал из Спасского в августе 1882 года В. М. Гаршин,— куча: множество французских, немецких и английских, все русские журналы. На журналах 30-х и 40-х годов везде буквы В. Б., то есть Виссарион Белинский. Странно как-то держать в своих руках книгу, которую читал и перелистывал сам Виссарион».

Тургенев не любил и не мог служить художественными образами предвзятой идее, отправляться от заданной цели, предпочитая в своей писательской работе «совсем обратное движение: не сверху вниз, а снизу вверх. Пускай,— развивал он эту заветную мысль в беседе с композитором С. И. Танеевым по поводу романа «Новь» и других произведений,— будет стремление кверху, ввысь, только чтобы шло-то оно от земли, от земного. Как дерево: растет к небу, а корни в земле».

Именно таким естественным, правдивым, как среднерусская природа, как спасские деревья, был его самобытный художественный талант, в котором он сам видел «весьма обыкновенную, едва привитую, российскую яблоню». Нам теперь пятнадцать томов его сочинений и столько же томов еще далеко не полностью собранных писем напоминают в совокупности могучий ствол и огромную, во все стороны разветвленную крону знаменитого спасского дуба, символизирующего живые и плодотворные связи художника-патриота со своим народом, с родной землей, в которую уходит сложная корневая система всех его творческих замыслов и всех без исключения помыслов. Недаром перед самым последним посещением отчих мест в 1881 году он говорил: «Поеду вот теперь в свое имение, в Спасское, приложу ухо к родной земле, может быть, она вдохновит меня, и тогда напишу что-нибудь...»

Это признание, сделанное Тургеневым в разговоре с молодыми литераторами, которые просили у него какую-либо новую вещь для задуманного ими сборника, возвращает нас к тому летнему дню 1855 года, когда он работал в одной из древесных беседок Спасского над романом «Рудин», преисполненный тревог за судьбу Севастополя, за судьбы Отечества, за весь народ российский. Именно родная земля подсказала ему тогда пророческие, вечные и простые, как живая истина, слова, вырвавшиеся из глубины его души: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».

Место, где родились эти вещие слова, называется теперь «беседкой Рудина». Оттуда идет извилистая тропинка к дому и прямая короткая дорога к дубу. Здесь, «в аллеях старого деревенского сада, полного сельских ароматов, земляники, птиц, дремлющих лучей солнца и теней», воздух родных тургеневских мест, «воздух родины имеет в себе что-то необъяснимое, он хватает вас за сердце». Невольно замираешь «с каким-то ощущением торжественности, бесконечности...»

Орел.

В столовой тургеневского дома.

Охотничье снаряжение, принадлежавшее И. С. Тургеневу.

Старинные часы в усадьбе Спасское-Лутовиново.

Кабинет писателя.

ТОРЖЕСТВО РАЗУМА И ЛЮБВИ

Н. ЛЕЙКИН

...Ну кто бы мог предположить, что Старая хозяйка Нискавуори, казалось бы, такая непоколебимая в своих жизненных устоях и как бы слившаяся воедино со своим родовым каменным гнездом, откроется вдруг со стороны совершенно неожиданной, и мы увидим ее непривычно человечной, мягкой, уловим в ее глазах боль, сожаление и нежность, услышим в голосе растерянность и сомнение, почувствуем, как растворяется ее суровое сердце навстречу чувствам искренним и сильным.

К такой Старой хозяйке Нискавуори подводит нас постепенно Ольга Викландт в спектакле Московского драматического театра имени А. С. Пушкина «Каменное гнездо». И в этой трактовке роли — ключ к режиссерскому замыслу Бориса Толмазова, постановщика спектакля; ему важно было утвердить торжество жизни, свободного и честного разума, любви. Важно было показать, как разрывают они сковывающие личность цепи ханжеской буржуазной морали, мещанских предрассудков; важно было еще и еще раз сказать, что деньги, материальное благополучие не должны и не могут поработить, подчинить человека, сломить его дух и волю.

И, может быть, наиболее явственно и непреложно все это проявляется как раз в том, что Старая хозяйка Нискавуори признает свое поражение в борьбе против любви. Более того, О. Викландт не оставляет сомнений в том, что в глубине души ее Хозяйка даже рада своему поражению. Ибо оно открыло ей глаза на истинные ценности человеческого бытия.

Такое прочтение пьесы финской писательницы Хеллы Вуолийоки не помешало, однако, театру воспроизвести во всей неприглядности враждебный человеку, унижающий его собственнический мир Нискавуори. И прежде всего Хозяйка — Викландт жестко блюдет, ревниво хранит холодные, бездушные законы этого мира. Она твердо уверена, что ее дом стоит на прочном фундаменте, что такому дому не страшны никакие бури.

О. Викландт и И. Задорожная в «Каменном гнезде».

Фото М. Строкова.

Илона — Н. Попова.

В самом деле, под массивной, сумрачной, гнетущей кровлей «каменного гнезда» (художник К. Кулешов) из поколения в поколение покорно влачат обитатели Нискавуори отупляющее их, темное, глухое существование. Его олицетворяют и невестка хозяйки, жена Аарне — Марта (И. Задорожная), и гости: Пастор (Ю. Ильчук), Пасторша (Л. Гриценко), Доктор (Ю. Стромов), Аптекарь (А. Аугшкап). Чопорные, воинственно высокомерные, ограниченные, они тоже на страже застойного буржуазно-мещанского быта, его показной, чисто внешней благопристойности.

Нужно немалое мужество, чтобы пойти против этого мертвящего мира и взорвать его изнутри. Тем неожиданнее отвага и стойкость молодой учительницы Илоны. Хрупкая и беззащитная с виду, она вступает в борьбу за свою любовь и счастье. Борьбу неравную...

Главную эту роль играют две актрисы. Илона Н. Поповой мужественна и одухотворена силой своего большого чувства, своей прекрасной нежностью и страстью. Илона Т. Лякиной черпает мужество и силу духа в сознании своего человеческого достоинства. И обе эти Илоны в равной мере бесстрашны, самоотверженны, решительны... Никакие сплетни, козни, угрозы лицемеров не в состоянии омрачить их счастье. Их победу.

Сложнее, мучительнее путь к этой победе у Аарне, сына Хозяйки. Молодой актер В. Васильев темпераментно ведет своего героя не просто к близкой и нужной, бесконечно ему дорогой Илоне, но к открытому бунту против всего жизненного уклада Нискавуори.

Аарне — Васильев борется и с самим собой. И, наверное, здесь для него самое трудное преодоление. Зато как он счастлив, как окрылен, обретая, наконец, возможность вырваться вместе с любимой из-под цепкой власти «каменного гнезда».

Б. Толмазов выстроил действие, как непрерывную линию столкновений характеров, мыслей, чувств героев: это спектакль непримиримых, бескомпромиссных нравственных поединков. Одни из них скрыты под наружной сдержанностью, другие вспыхивают обнаженно и жарко. Но и в тех и других четко высвечиваются социальная острота и глубокое гуманистическое содержание прекрасной пьесы Хеллы Вуолийоки.

Почти двадцать лет назад это произведение уверенно шло на сцене Малого театра; и, конечно же, у всех, кто видел тот спектакль, неизгладим в памяти монументальный образ Старой хозяйки Нискавуори, созданный Верой Николаевной Пашенной. Уже поэтому Театр имени А. С. Пушкина проявил известную смелость, обратившись вновь к «Каменному гнезду». Но эта смелость всецело оправданна. Пушкинцы убедительно, ярко доказали своим спектаклем, что добротная реалистическая драматургия всегда позволяет хорошим и разным художникам сцены делать новые и новые идейные и образные открытия.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕ

ГЛАВА 19

Суд начался поздней весной, в день, когда внезапно разразилась гроза с ливнем, — потоки воды напитали приречные равнины, хлынули в пересохшие оросительные каналы. Дети шлепали по желтой воде, затопившей обочины дорог. От дождя все повеселели: теперь можно было уже не так опасаться лесных пожаров, и на дальних выпасах будет вдоволь травы, и все палисадники сразу стали похожи на магазины дамских шляп. Поздней, в летнюю жару, цветы всегда сникали, у нас им не удавалось расцвести в полную силу.

Четырехчасовым поездом прибыл из Бендиго судья Лейкер, и это было для нас первым знаком, что процесс предстоит серьезный. Лейкер обычно останавливался в Королевской гостинице в самом центре города, но на этот раз он остановился в клубе, где в любое время дня и ночи без помех выпивали наши врачи, адвокаты (мой отец туда не хаживал), дельцы, лавочники и процветающие фермеры. Там судья Лейкер обычно останавливался, когда предстояло слушание уголовного дела, ибо в этих случаях ему в любое время мог понадобиться бодрящий глоток коньяка.

Суд, наделенный полномочиями Верховного суда штата, поскольку слушалось дело об убийстве, заседал в пыльном, тесном зальце позади зала муниципального совета. Судья сидел на возвышении, в дубовом кресле с высокой спинкой, придвинутом вплотную к стене. К порядку у нас в суде призывал либо секретарь, либо сам судья постукивал карандашом о стену.

В ту пору, прежде чем начать слушание любого уголовного дела, долго и не торопясь утрясали множество необходимых формальностей, будто кропотливо собиралась в поход компания туристов человек в двадцать. Требовалось все основательно подготовить, и пока тянулась вся эта канитель, пока отбирали присяжных и шли всяческие формально-юридические приготовления, Джули спокойно, безучастно сидел на скамье подсудимых, словно происходящее нимало его не касалось. Он явно намерен был перетерпеть этот суд, как прежде терпел бесполезные для него часы школьных уроков, безнадежные экзамены, песнопения пансионеров-евангелистов в кухне, голос и присутствие Хоумза, опасную болезнь — воспаление легких, дни в тюрьме и все прочее. Он словно и не слышал, когда секретарь суда прочел обвинительное заключение. Он даже не отозвался, когда его спросили, признает ли он себя виновным.

— Намерен обвиняемый ответить суду, признает он себя виновным или нет? — повторил судья Лейкер.

Джули словно и не слышал.

— Так что же, мистер Куэйл, — с досадой спросил судья Лейкер, — подсудимый отказывается отвечать на вопрос суда, признает ли он себя виновным?

Отказ подсудимого отвечать на этот вопрос обычно влек за собой бесконечные консультации с присяжными; до начала слушания дела необходимо было решить, признает подсудимый себя виновным или не признает,— решить, независимо от того, нравится ему это или нет. Иными словами, дело с самого начала осложнялось и запутывалось.

— Нет, ваша милость,— ответил отец,— мой подзащитный не признает себя виновным.

— Тогда он должен сказать это сам в присутствии суда. Пожалуйста, объясните ему это, мистер Куэйл.

— Мой подзащитный, вероятно, не понял вопроса. Нельзя ли задать ему этот вопрос еще раз?

Вопрос был задан снова.

— Ну, Джули? — сурово спросил отец.

— Не виновен,— произнес в ответ Джули. Как отцу удалось его на это подвигнуть, ума не приложу.

Все прочие формальности и показания всего лишь как бы готовили сцену к выходу обвинителя, и вот, наконец, поднялся Страпп и с первых слов заявил почти даже небрежно, что дело отнюдь не представляется ему сложным.

— Полагаю, нам не потребуется много времени, чтобы показать, что произошло в ту ночь, ибо факты неоспоримы. Мы неопровержимо докажем, что миссис Кристо, в халате, находилась на кухне и была заколота насмерть. Мы докажем, что, кроме нее, на кухне в это время находился только обвиняемый. Мы докажем, что совершить это преступление мог только он. Сам обвиняемый этого и не отрицает. Он ни разу ни единым словом не попытался опровергнуть выдвинутое против него обвинение, и вы слышали показания доктора Стоуна, который решительно заявил, что сама миссис Кристо не могла нанести себе этот удар.

Страпп умолк. Откашлялся. Низенький, толстенький, в шелковой рубашке и в галстуке-бабочке, он старательно откашливался всякий раз, когда хотел произвести на слушателей впечатление или передохнуть. Сейчас ему нужно было и то и другое. До этой минуты он перечислял бесспорные факты, но мы понимали: сейчас прозвучат слова, которые покажут, как он намерен строить обвинение, и они-то и определят дальнейший ход процесса.

— Теперь мы считаем необходимым,— медленно, обстоятельно, испытывая терпение моего отца, продолжал Страпп (подозреваю, что отец больше разыгрывал нетерпение),— определить состояние духа обвиняемого, то, что мы называем mens rea. А в данном деле именно оно все решает...

За год, который я зря потратил, пытаясь изучать право в отцовой конторе, я достаточно узнал о mens rea, состоянии духа, и понимал: когда никто не видел, как обвиняемый нанес удар, это самый верный и прямой путь доказать, что он виновен. И вот теперь, когда Страпп показал, какова будет его линия обвинения, я отчаянно хотел понять, как же это принял отец. Но со своего места я не видел его лица, а лишь крепкое плечо и парик, и они ничего мне не сказали.

— Иногда,— отчетливо продолжал Страпп тонким голосом, какой часто бывает у таких маленьких толстячков,— человек, убивший другого человека, вовсе не считается преступником, ибо за этим убийством не стояло преступное намерение. Преступлением убийство становится тогда, когда человек, нанесший роковой удар, нанес его с преступным намерением, и тогда уже все остальное не имеет значения — пусть он ударил сгоряча или даже не представляя, как ужасно это кончится для жертвы. В таком деле, как сегодняшнее, самого по себе намерения убить достаточно, чтобы доказать, что подсудимый виновен в убийстве.

Страпп мельком глянул в сторону Джули, и все мы тоже на него посмотрели, но, сдается мне, Джули просто-напросто ничего не слышал.

— Тем самым обвинение собирается сейчас показать,— продолжал Страпп,— что смерть миссис Анджелы Кристо — результат состояния духа обвиняемого в ту пору, результат злонамеренности, что убийство это предумышленное. Мы покажем, что обвиняемый создал у себя дома враждебную обстановку, что он яростно сопротивлялся верованиям матери, что он открыто бросил вызов устоям семьи, в которой рос, и, наконец, что отношения между матерью и сыном накалились до предела, и в ночь убийства рукой обвиняемого, нанесшей смертельный удар матери, водили рознь, враждебность, злоба, гнев. Иными словами, мы установим mens rea, состояние духа обвиняемого, по тем условиям, которые он сам создал...

Судья постучал карандашом не по стене, но по столу. Так он обычно не призывал к порядку зал, а прерывал оратора.

— Мистер Страпп! Это ваша заключительная речь? Или вы предваряете выводами начало дела?

Я задолго до этого замечания судьи ждал, что протест заявит отец, но спина его оставалась неподвижной и крепкие, обычно беспокойные пальцы не шевелились.

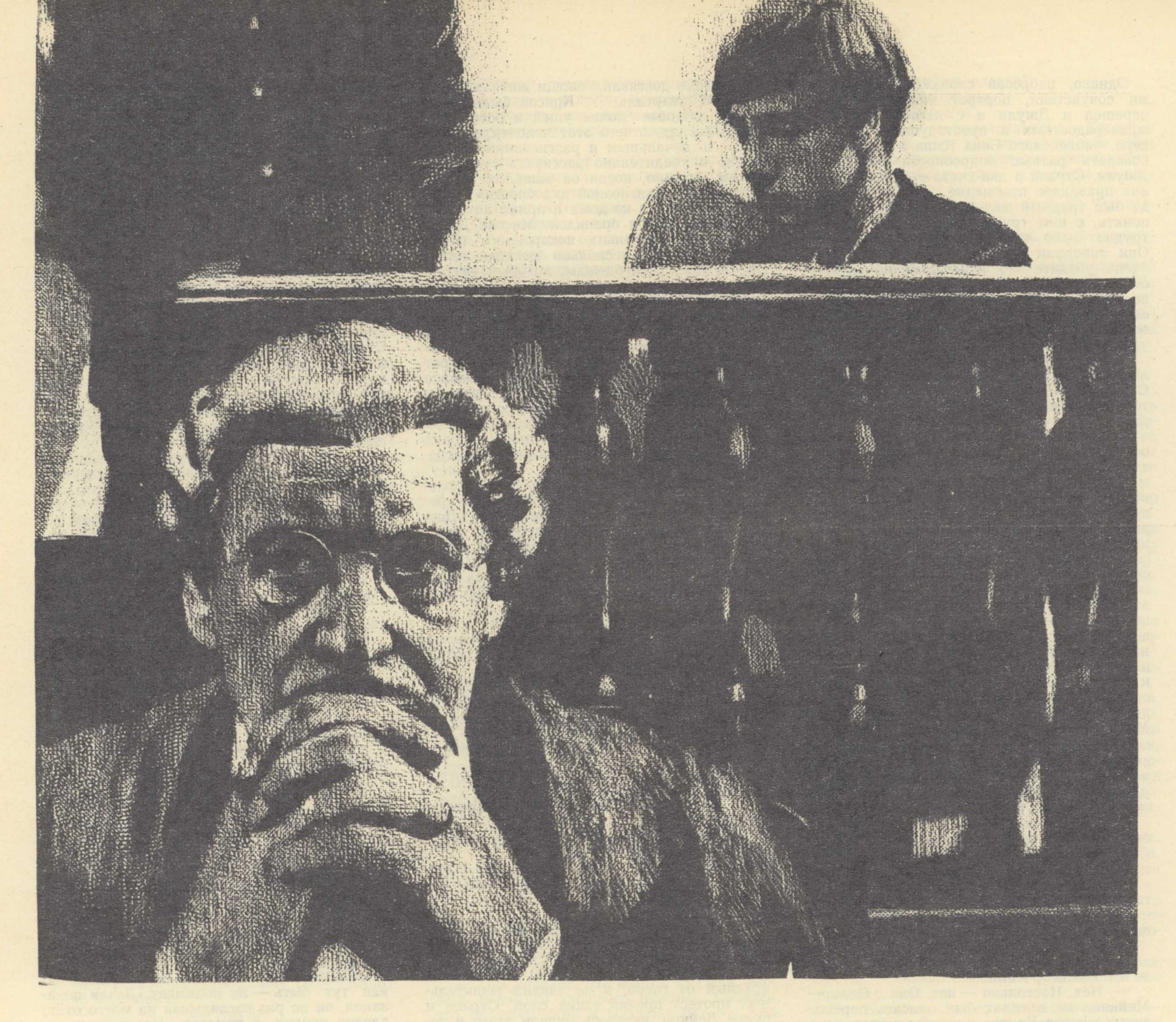
— Это лишь мое вступительное слово, ваша милость,— сказал Страпп и беспокойно покосился на моего странно молчаливого отца.

— Тогда, пожалуйста, дайте нам сперва составить о деле собственное мнение на основании ваших улик,— сказал судья.

— Извините, ваша милость,— сказал Страпп.— Но мне казалось, в данном случае обвинение обязано очень четко разъяснить свои намерения, ибо мы имеем дело с очевидной преднамеренностью, с состоянием духа. И потому весьма важно...

— Хорошо, хорошо. Но ближе к делу.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—45.

— Разумеется, ваша милость. Я и стремлюсь изложить суть дела незамедлительно.

Это была неправда: Страпп явно не торопился, и мне не забыть, как старательно, искусно, шаг за шагом он строил свои доказательства и как упорно, необъяснимо и совершенно неожиданно молчал мой отец — казалось даже, он просто не обращает внимания на все, что тот говорит и делает.

Страпп с самого начала ловко разделил обвинение на две части и в первой половине своей речи очень тепло нарисовал печальный и трагический портрет жертвы: миссис Анджела Кристо хорошо известна в городе, это прекрасная женщина, о которой (так получалось у Страппа) никто и не думал злословить и строить рискованные догадки, нет, как по волшебству она превратилась в женщину, которая всегда была у нас признана добродетельной, преданной, неунывающей, разумной матерью, любящей сына до самозабвения и охраняющей его от всех опасностей, бед и соблазнов.

И чтобы все это доказать, он подобрал самых подходящих свидетелей. Мистер Иоу, возчик дров, и мистер Джексон, маляр, оба ее соседи-евангелисты, поведали о долгой и трудной борьбе, которую бодро вела миссис Кристо с всевозможными напастями, стараясь сводить концы с концами, и никогда при этом не унывала и не теряла веры в милосердие божье. Затем был вызван мистер Комис — пятнадцать лет кряду миссис Кристо была постоянной его покупательницей, он держит лавку по соседству с кварталом евангелистов. Он рассказал нам, что миссис Кристо ни разу не задолжала ему ни пенни, никогда не жаловалась, никогда не сплетничала и не слушала сплетен. Миссис Констентайн из Христианского благотворительного общества вспомнила, как, приехав в Сент-Хелен, миссис Кристо на первых порах нуждалась в помощи (ей не сразу удалось найти пансионеров) и как благодарно, с каким смирением она приняла кое-что из одежды, джем и маринованный лук.

Миссис Картер, одна из наших местных портних, рассказала, как охотно и умело мать Джули бралась за иголку, когда надо было кому-нибудь помочь, и закончила словами:

— Истинная христианка. Мать, счастливая своим материнством.

Миссис Картер была настоящая труженица, уже очень немолодая, показания она давала со слезами на глазах. Плакала и еще одна женщина, она сидела как раз передо мной,— миссис Оуэн Джоунз, одна из тех немногих, кто всегда был приветлив с Джули. Я посмотрел по сторонам и увидел еще трех или четырех плачущих женщин и одну из них очень пожалел: то была миссис Сэмсон, год назад, спасая друг друга, утонули оба ее сына-подростка.

И все же я поразился. Ну почему, спрашивается, эти женщины так горюют о миссис Кристо? Они ведь даже толком не знали ее. Почему они сейчас плачут? Все это, конечно, во вред Джули, но, несмотря на слезы, на то, что волнение их начинало передаваться всем в зале (а отец никак не старался этому помешать), пока я не очень-то верил, что это как-то поможет осудить Джули за убийство матери. До приговора было еще очень далеко.

ШЕННЫЙ

Однако, набросав словами, исполненными сочувствия, портрет жертвы, Страпп перешел к Джули и с легкостью убедил жизнерадостных и простодушных Хеймейкера, библейского Бена Кэша и мисс Майл поведать разные подробности из жизни Джули. Страпп в два счета выудил из всех них правдивое признание, что Джули всегда был трудный мальчик: его трудно было понять, с ним трудно было общаться, ему трудно было помочь советом или делом. Они говорили правду, правда эта звучала очень убедительно и непременно должна была внушить нам, что по всей логике поведение Джули — необузданное, непредсказуемое, враждебное — неизбежно должно было привести к яростному, страшному удару, которым он убил родную мать.

Мы все видели, куда клонит Страпп, но лишь когда перед нами предстал Мейкпис, Страпп стал наконец задавать вопросы, которые прямо указывали на виновность Джули.

— Я не прошу вас, мистер Мейкпис, осуждать этого юношу,— тонким голосом, с подчеркнутым уважением обратился к нему Страпп.— Я не доискиваюсь чего-то такого, что могло бы ему повредить.— Он чуть помолчал, словно бы глубоко опечаленный всем происходящим.— Я лишь хочу знать правду, мистер Мейкпис, вот почему я просил бы вас, если возможно, объяснить странное отступничество Джули Кристо от его веры, от семьи, от религии. Можете вы это объяснить, мистер Мейкпис? Можете вы нам сказать, почему этот старательно воспитанный, горячо любимый, окруженный заботой юноша вдруг пристрастился к безнравственному джазу, к танцулькам, к выпивке, хотя знал, что оскорбляет этим свою мать и восстает против всего, что ей дорого? Почему он так поступал, мистер Мейкпис, можете вы нам это сказать?

Мистер Мейкпис, в лучшем своем костюме (я так ясно ощущал запах нафталиновых шариков, словно они лежали не у него, а у меня в карманах), лишь безмолвно покачал головой.

— Но в глазах миссис Кристо все это было очень дурно и грешно? — спросил Страпп кроткого, озадаченного свидетеля.— Это-то мы знаем, так?

— Да,— ответил Мейкпис, не поднимая головы.

— Это крайне ее огорчало? Можно даже сказать, сверх меры огорчало?

— Да... Верно.

— Приходилось ли вам прежде видеть ее в таком огорчении?

— Нет. Настолько — нет. Она... Она...— Мейкпис не в силах был описать переживания миссис Кристо и, чтобы скрыть смущение, вынул из кармана платок.

— Она из-за этого плакала?

— Да. Часто плакала.

— Значит, поведение Джули было для миссис Кристо жестоким разочарованием и тяжким горем?

— Да, но...

— Но чем дальше, тем становилось все хуже и хуже?

— Можно и так сказать,— произнес Мейкпис, подняв голову.— Но Джули...

— Но Джули не пытался изменить свое поведение, чтобы не огорчать мать? Это верно, мистер Мейкпис? Отвечайте чистосердечно!

Мейкпис опять покачал головой.

— Значит, вы чувствовали, что все это приближается к своего рода взрыву? То есть вас не удивило, когда произошла эта страшная трагедия?

— Ну, отчасти. Но, видите ли, мистер Страпп...

Страпп махнул рукой, и Мейкпис опустил глаза и больше уже не пытался ничего сказать об истинной боли, истинной скорби и радости, какие знал дом миссис Кристо. Он сошел с места свидетеля, не получив никакой помощи от моего отца; отец сидел молчаливый и недвижный, точно каменная глыба, словно решил ни в коем случае не вмешиваться, что бы Страпп ни делал и как бы худо все ни оборачивалось.

Затем Страпп вызвал мистера Криспа, дважды вдовца, зеленщика, который в своем фургоне доставлял овощи жителям библейского квартала. У Криспа были непомерно длинные мочки ушей и остановившийся взгляд, отчего этот человек казался сразу и печальным и разгневанным, и он гневно и убедительно рассказал суду, как совсем недавно, когда он зашел к миссис Кристо «по религиозной надобности», Джули вытолкал его из дома и прямо во дворе кричал на него и бранился. Миссис Джексон, жена владельца похоронного бюро, рассказала, что несколько месяцев назад Джули взял узел одежды, который она передала ему для матери, зная, как та нуждается, и кинул его с моста в реку.

Ни про тот, ни про другой случай я ничего не знал, ведь последнее время мы с Джули совсем не виделись. Но оба свидетеля, очевидно, говорили правду, портрет Джули стараниями Страппа вырисовывался весьма непривлекательный, и я с ужасом ждал, что еще скажут новые свидетели, подбавляя черной краски. Страпп вызвал Джо Хислопа, и перед нами появился наш общий и неизменный любимец — Австралиец-Джо.

Страпп первым делом попросил Джо рассказать суду, как повел себя Джули во время памятной праздничной процессии. Джо в совершенстве воплощал в себе наш местный характер и, конечно, обрадовался случаю расписать эту историю поярче и всех поразить. Страпп молча слушал, пока Джо не дошел до главного. Тут он перебил свидетеля.

— Минуточку, Джо,— сказал он.— Если я правильно вас понял, обвиняемый вскочил на вашу платформу и пытался сбросить вас наземь. Верно?

— Пытался! — коротко ответил Джо.

— Но он рассвирепел? — добивался Страпп.— Он был в ярости, не так ли?

— Если это, по-вашему, ярость, так она ему не больно помогла, верно? (Смех в зале.)

— И все-таки он был в ярости и метил, так сказать, перервать вам глотку?

— Ну, он ведь не по орехи собрался, мистер Страпп.

— Ладно, Джо. Но что же все-таки он делал? Расскажите суду.

— Он дергал меня за волосы,— девчачьим голоском пропищал Джо, и мы все опять засмеялись.

— И это все?

— А что еще он мог, несчастный поганец? — презрительно уронил Джо.— Ножа при нем нет, всадить в меня нечего...

К моему изумлению, отец не вскочил, красный от гнева, и не заявил решительный протест против таких слов. Страпп и судья Лейкер, казалось, ждали этого и замерли в ожидании. И весь зал тоже. Но отец промолчал, и сам судья Лейкер сделал Джо замечание за брань и распорядился, чтобы присяжные не принимали во внимание его слова о ноже. Но все это было уже неважно, и Джо, так и не услышав от моего отца ни единого слова, покинул место свидетеля с видом самым победоносным — так, бывало, он покидал арену знаменитых своих побед в состязаниях боксеров легкого веса, уложив противника чуть ли не в первом же раунде.

И всерьез отчаиваться я стал, пожалуй, именно после показаний Джо. Я знал: в любом суде о сути того, что поставлено на карту — о жизни человека,— часто забывают, увлекшись самим ходом судебного процесса со всеми его подробностями. В поведении Страппа вовсе не было никакой преднамеренности, он лично не имел ничего против Джули. Просто он вел обвинение, как оно и полагалось, по всем правилам судебного разбирательства. Он предъявлял все новые свидетельства, которые подтверждали, что у обвиняемого нрав непредсказуемый, непостижимый, неподатливый, чуть ли не противоестественный. И вот Джули, сидящий на скамье подсудимых, меняется у нас на глазах, обращается в какое-то непостижимое чудовище, которое вполне способно сгоряча, а то и хладнокровно, со злобным умыслом убить человека. Бледность его стала казаться неестественной, расслабленно повисшие руки наводили на мысль о неуравновешенности, неумении владеть собой. А большие карие глаза? Они глядят сквозь вас, будто обладатель их не способен ни увидеть чужое страдание, ни осознать собственную боль.

Сработано было искусно, и хотя приемы Страппа не отличались оригинальностью, состояние духа Джули, mens rea, он очень убедительно представил в самом выгодном для обвинения свете.

А мой отец все еще ничего не сказал. Ни слова.

Оставалось выслушать только двух свидетелей, и я уже понимал: Страпп приберег под конец какую-то потрясающую неожиданность. Что-то может добавить к этой мрачной картине мистер Морни, первый из двух оставшихся свидетелей, гадал я. Страпп попросил его рассказать, как к нему приходила миссис Кристо и просила помочь Джули,— вот тогда-то я и узнал кое-что о событиях того дня. Но, вызывая мистера Морни, Страпп преследовал только одну цель. Верно ли, что миссис Кристо просила помочь Джули?

— Да,— ответил мистер Морни. Он был честный человек и отвечал ясно и определенно.

— И вы предложили помочь ему? — Теперь, уверенный в своей победе, Страпп говорил веско, вопросы задавал коротко, напористо.

— Конечно,— ответил Морни.

— Что же вы ему предложили, мистер Морни?

— Предложил работать у меня по субботам, мистер Страпп.

— И он работал?

— Нет, не работал.

— Он ведь был очень беден, его содержала мать, и все-таки от работы он отказался?

— Отказался,— ясно и определенно ответил Морни.

— Он хотя бы объяснил вам, почему отказывается?

— Нет. От него это не требовалось.

— Он приходил вас поблагодарить?

— Нет, но...

— Вы хотите сказать, что он не потрудился зайти к вам в магазин и сказать: «Большое спасибо, мистер Морни, но в субботу я занят другими делами»?

— Нет. Мне ни разу не довелось с ним поговорить. Но...

— Достаточно, мистер Морни,— сказал Страпп.— Вы свободны.

Мистер Морни покинул место свидетеля, и по лицу его ясно было: он чувствует, что-то вышло скверно и неправильно, но как тут быть — не понимает. Давая показания, он не раз взглядывал на моего отца, словно просил о помощи. Но призыв его остался без ответа. Страпп добился своего. Теперь Джули оказался не только человеком, неспособным жить среди людей, но и неблагодарным, и когда Страпп вызвал своего последнего свидетеля, доктора Уинстона Хоумза, я понял: сейчас нам и предстоит услышать то, к чему он вел. Хоумз — вот главный его козырь.

Хоумз вступил на место свидетеля, как пророк Даниил, пришедший выносить, а не выслушивать приговор, и начал с того, что, положив руку на потемневший от пота переплет библии, попытался произнести свой собственный вариант присяги. Судья прислушался и сказал:

— Извольте присягнуть, как полагается, доктор Хоумз, иначе мне придется лишить вас права давать показания.

Хоумз раскрыл было рот, собираясь возразить, но, видно, передумал. Зычным голосом проповедника он принес присягу и затем сказал:

— Итак, мистер Страпп? Чем я могу быть вам полезен? — Как будто Страпп привел его сюда в качестве духовного наставника.

— Доктор Хоумз, — заговорил Страпп с несвойственной ему почтительностью. — В наших краях вы человек уважаемый, и вы долгое время знали миссис Кристо, не так ли?

— Много, много лет, мистер Страпп.

— Сколько именно?

— Лет двадцать. Да, не меньше двадцати.

(Значит, верно говорили: Хоумз знал миссис Кристо с самого рождения Джули, а может, и раньше.)

— Миссис Кристо была глубоко верующей женщиной, доктор Хоумз?

— Она была грешница, как все мы, мистер Страпп. Но она уже давно пришла ко Христу, верила в его доброту и милосердие и, подобно Марии Магдалине, жаждала пасть ниц пред троном его...

— Иными словами, она была хорошая женщина? Так?

— В свете страданий Христовых кто осмелится назвать кого-либо из нас хорошим человеком? — громко провозгласил Хоумз.

Судья хлопнул рукой по столу.

— Попрошу свидетеля в зале суда ограничиться суждениями о делах земных. А о небесах будете рассуждать после, доктор Хоумз.

— Мы несем земное бремя свое, ваша милость, осененные светом небесным...

— Только не здесь, в суде, доктор Хоумз. Попрошу вас это осознать и отвечать на вопросы, как положено.

— Я полагаю, доктор Хоумз все понял,— поспешно вставил Страпп. — Но разрешите спросить вас, доктор Хоумз, миссис Кристо возлагала на сына большие надежды?

— Она всегда верила в божественное провидение, мистер Страпп.

— Как это понять в отношении ее сына Джули?

— Она хотела взрастить сына в любящих объятиях господа.

— И он там был, доктор Хоумз?

— Я вас не понял.

— Находился ли Джули в руках господних?

— Все мы там, мистер Страпп. Мы вручены нашему Спасителю...

Судья Лейкер постучал карандашом о стену у себя за спиной.

— Мистер Страпп, — произнес он, — будьте добры сказать вашему свидетелю, чтобы он спустился на землю и перестал проповедовать. Здесь этому не место, и нам это не помогает.

— Христос...

— Довольно! — прикрикнул судья. — Вы сюда пришли не проповеди читать, доктор Хоумз. Если вы не будете прямо, надлежащим образом отвечать на вопросы, мне придется попросить вас покинуть место свидетеля.

Мы все знали: судья — человек азартный, пьющий, но и верующий, и он вовсе не желает, чтобы этот пропыленный бродячий апостол навязывал ему свои сектантские верования.

— Но... — начал Хоумз.

Судья даже не взглянул на него.

— Мистер Страпп! — Судья подался вперед и уставил на Страппа грозный палец. — В последний раз предупреждаю вашего свидетеля. Потрудитесь его вразумить, не то, если он еще раз попытается обратить нас в свою веру, я вынужден буду лишить его права давать показания.

— Я постараюсь, ваша милость. — И Страпп быстро, почти резко спросил Хоумза, часто ли он бывал в доме миссис Кристо.

— Да, но я не...

— Отвечайте на вопросы, и все, — распорядился Страпп. — Замечали вы в последнее время, что отношения между миссис Кристо и ее сыном обострились, стали враждебными или натянутыми?

— Да.

— Замечали вы в последнее время что-либо такое, что осложнило их отношения?

— Да.

— Что же?

— Они ссорились из-за того, что брат наш Джули стал вести себя недостойно.

— Вы имеете в виду джаз-оркестр?

— Да, и еще он грешил, пил, развратничал...

Я чуть было не крикнул: «Протестую!» Конечно же, защитник должен бы заявить решительный протест. Но отец не вмешался, и это так было на него непохоже, что на этот раз Страпп и судья озадаченно переглянулись.

— Мистер Куэйл, — обратился к отцу судья Лейкер, словно упрямое молчание защитника уже начало его беспокоить, — позвольте узнать, намерены ли вы принять хоть какое-то участие в данном разбирательстве?

Отец ответил не сразу. Он терпеть не мог, когда ему указывали, как ему следует или не следует поступать, и, уж конечно, сейчас он старался совладать с собой.

— Чем вызван этот вопрос, ваша милость? — спросил он так отрывисто, словно боялся сказать лишнее. — Вы хотите посоветовать мне, сэр, как вести защиту?

— Вовсе нет. Но разве интересы вашего клиента не требуют, чтобы вы так или иначе возразили, когда свидетель делает заведомо недопустимые заявления?

У отца побагровела шея.

— Я защищаю интересы своего клиента так, как считаю нужным, ваша милость, — сердито сказал он, — а если мои методы вызывают у вас сомнение, я потребую нового слушания и нового судью, который даст возможность защите вести дело по ее усмотрению, без неоправданного вмешательства.

— Вы напрасно возмущаетесь, мистер Куэйл, — сказал Лейкер. — Я был искренне обеспокоен.

— Я блюду интересы своего клиента, и суд напрасно об этом беспокоится. И я настаиваю, чтобы этот вопрос, заключающий в себе неправомерный намек, был взят обратно, ваша милость, в противном случае я покину зал суда и обращусь в...

— Хорошо, хорошо, мистер Куэйл. Напрасно вы волнуетесь. Я просто задал вопрос и, если угодно, извольте, беру его обратно. — Лейкер сделал знак Страппу и сказал, пожалуй, чересчур поспешно: — Продолжайте, мистер Страпп. Но последнее заявление вашего свидетеля по поводу разврата следует вычеркнуть из протокола, и присяжные не должны принимать его во внимание.

Страпп продолжал допрос, уверенности у него несколько поубавилось, хотя и ненамного.

— Итак, Джули и его мать ссорились из-за его поведения? — спросил он.

— Да, сэр, они ссорились... — ответил Хоумз.

— Откуда вам это известно?

— Миссис Кристо пришла ко мне в отчаянии, она рыдала, ломала руки и склонила голову, точно Иаир перед господом.

— Что же миссис Кристо вам сказала, доктор Хоумз? — быстро спросил Страпп.

— Она сказала, что боится за сына. Боялась какого-то ужасного буйства. Боялась, что он губит себя и способен сделать что-нибудь ужасное.

— С ней?

— С ней или с собой. С кем-нибудь...

— Она так и сказала?

— Этими самыми словами. Бренной плотью своей...

— Не стоит о бренной плоти, доктор Хоузм. Миссис Кристо просила у вас помощи?

— Просила. Но... — Хоумз, искусный оратор, умолк на самом интересном месте.

— Так что же? — нетерпеливо спросил Страпп.

— Она предупредила меня, чтобы я не заговаривал с ним. Умоляла не корить его за то, что он ступил на путь греха.

— Почему она так говорила?

— Она сказала, что не знает, чем он ответит на мои речи.

— Вы хотите сказать, она боялась, что он прибегнет к насилию?

— Она боялась влияния сатаны, который ныне им завладел.

— И вы согласились молчать, ничего ему не говорить?

— Нет. Нет. Я знаю свой долг, мистер Страпп.

— Так что же произошло?

— Миссис Кристо рыдала, рыдала, рыдала...

— А вы как поступили?

— Я дождался возвращения сына, и когда он вошел в кухню, где я сидел с миссис Кристо, я попытался показать ему в свете учения Христова, как дурен и ошибочен избранный им путь греха.

— Он что-нибудь сказал?

— Ничего не сказал.

— Совсем ничего?

— Ничего членораздельного. Когда я стал внушать ему, как вредит он сам себе, как грешно вводить в дом саму размалеванную Иезавель сего града и дьявола во плоти...

— Ясно. Что он на это сказал? Что сделал?

— Он зарычал, как зверь. Он был одержим...

— Вы хотите сказать, он вышел из себя?

— Да, он потерял облик человеческий...

— Что же он сделал?

— Схватил большой нож, который лежал в кухне на доске для хлеба, и кинулся на меня.

— Он бросился на вас?

— Да. Бросался опять и опять...

— Что сделали вы?

— Мне пришлось спасаться. Пришлось бежать. Он бежал за мной до самой калитки, и рычал, как зверь, и замахивался на меня ножом.

— Это было задолго до смерти миссис Кристо?

— Накануне. Как раз накануне, мистер Страпп.

В зале задвигались, завздыхали, позади меня кто-то всхлипывал, а сам я закрыл лицо руками и мысленно застонал: «Джули, Джули!» Что еще тут скажешь, что сделаешь? Как тут выразить всю меру отчаяния?

Страпп помолчал — пусть вздохи и всхлипывания делают свое дело, — а немного погодя негромко и просто сказал:

— Больше мне говорить нечего, ваша милость. Таковы доказательства обвинения.

В зале воцарилась тишина, и я надеялся, что отец заявит наконец протест, или заспорит, или даже вспылит. Но теперь его молчание словно слилось с молчанием Джули, а потом вместо того, чтобы предпринять позарез необходимую сейчас контратаку, он затеял весьма практический разговор с судьей Лейкером и Страппом о том, чтобы перенести дальнейшее слушание на завтра.

Судья пожал плечами: он запомнил урок, преподанный ему за его попытку вмешаться.

— Хорошо, мистер Куэйл, — сказал он и покачал головой. — Как вам угодно. — Потом обернулся к Страппу: — Желаете произнести свою заключительную речь теперь, мистер Страпп, или завтра, после того, как выступит защита?

— Я заключу после защиты, ваша милость, — сказал Страпп. — Сейчас мне это нежелательно.

— В таком случае, — вмешался отец,— если мы на сегодня заканчиваем, я прошу разрешения суда повторно вызвать на завтра некоторых свидетелей — в качестве свидетелей защиты.

— Это весьма необычно, мистер Куэйл, у вас ведь была полная возможность подвергнуть их перекрестному допросу, — сказал Лейкер. Отец промолчал, и Лейкер опять пожал плечами, словно окончательно отказывался понять его поведение. — Прекрасно, — сказал он, — если только вы не возражаете, мистер Страпп.

Страпп перестал складывать бумаги. Он всегда с подозрением относился к каждому шагу моего отца, особенно если шаг был хоть сколько-нибудь необычным. Он явно насторожился. Но показания Хоумза так укрепили его позиции, что он махнул рукой и сказал:

— Нет, я не возражаю, ваша милость.

— Прекрасно. — Судья сунул огрызок карандаша в карман жилета под мантией.— Но хотел бы я знать, к чему вы клоните, мистер Куэйл.

— Узнаете, ваша милость,— сказал отец и взял единственный лежащий перед ним листок. Небольшой, чуть больше визитной карточки.

Объявлен был перерыв до завтра, до десяти утра, и, как все, кто весь день недоуменно глядел на загадочное поведение защитника, я жаждал узнать, что на уме у отца, что он готовит на завтра. Так жаждал, что позже, за обедом, снова умышленно нарушил правила и сказал ему, что не верю я

Хоумзу, будто Джули ссорился с матерью.

— Хоумз врет, — сказал я. — Джули нипочем не стал бы с ней ссориться. Мало ли чего наговорил Хоумз!

— Хватит, — пробормотал отец; казалось, он поглощен своими мыслями и ему сейчас не до меня. За столом он был так же молчалив и задумчив, как и весь день в суде.

— Но он врет, я знаю, — стоял я на своем.

— Ничего ты не знаешь, — сказал отец, наконец обратив на меня внимание. — Доктор Хоумз врать не станет. Если не считать всей этой проповеднической болтовни, он отвечал на вопросы правдиво и прямо.

— А я говорю, он врет,— возмутился я. Отец бросил нож и вилку.

— Вот что, юноша, — сказал он. — Если бы ты был повнимательней к тому, как в суде ведутся дела, так мог бы знать, что в уголовном суде часто «врут» вопросы, а не ответы. Так что думай прежде, чем кричать...

— Тогда почему же ты сам не задавал вопросы? — вскинулся я.

— Я уже сказал, хватит! — отрезал отец. — Я не намерен это обсуждать. И ты не будешь...

— Но...

— Ешь и прекрати этот разговор! — Сам он в эти минуты не ел и смотрел на меня так свирепо, словно ему осточертели и я и всё на свете. — Тебя даже нечего было пускать в суд, раз ты не соображаешь, что там происходит. И уж раз ты горячишься, как мальчишка, изволь поостеречься, когда станешь писать отчет для субботнего номера газеты. Если ты позволишь своим чувствам одержать верх над разумом и представишь кого-либо в ложном свете, тебя привлекут за клевету в печати. Короче, смотри за собой, а всех прочих оставь в покое.

Отчет, который мне предстояло написать для газеты, должен был основываться на стенограмме суда — в четверг разрешат ее прочесть. Отец это знал. Он попросту велел мне замолчать. Мама молча просила меня о том же, и сестра Джинни тоже. Отец и так озабочен, неспокоен, ну чего ради я к нему пристаю?

Но когда отец свернул свою салфетку, засунул ее в серебряное кольцо и поспешил к себе в контору, я сказал маме:

— Все равно он сегодня все выпустил из рук. Он всегда толкует о внутренней логике защиты, а сегодня я никакой логики не заметил. Ни намека на логику. Он просто ни слова не говорил. Предоставил все Страппу.

— Он знает, что делает, — сказал Том.

— Сегодня в суде на это было непохоже, — мрачно возразил я.

— Ты совсем безнадежен, — сказала Джинни. — Джули заколол свою мать, это же ясно. Чего ты ждешь от папы? Чтоб он ее воскресил?

— Джинни!

— Кит меня просто бесит.

Джинни в сердцах даже ногой топнула. Том уже незаметно ускользнул на свидание к одной девчонке (наши родители считали ее неподходящей и запрещали с ней видеться), и мы с матерью остались вдвоем мыть посуду.

— Он не так уж тревожится за успех защиты, главное — за мальчика, — сказала мама. — По-моему, он еще просто не понимает, что за человек этот твой Джули.

— Его никто не понимает, — сказал я.— В том-то и беда.

— Тогда не суди отца слишком строго. Он делает все, что в его силах.

Я это знал. Но когда на следующее утро суд возобновил работу, по тому, как вела себя публика — как она усаживалась, как ослабел ее интерес, как держались полицейские, секретари, Страпп и даже сам судья, я почувствовал: все они считают, что дело уже решено и отцу вряд ли удастся что-либо изменить.

Перевела с английского Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

МИНУТЫ РАДОСТИ

Фото М. САВИНА и А. НАГРАЛЬЯНА

О эстраде сказано немало, мы же расскажем о том, что видели недавно, когда гостями «Огонька» стали артисты московской эстрады Федор Липскеров, Татьяна Леман, Сергей Русанов, Зоя Хоменко, Лев Миров, Марк Новицкий, Владимир Николаев, Татьяна Лебель, Галина Беседина, Виктор Никольский, Сергей Тараненко.

Много раз доводилось читать интервью с долгожителями: «Как это, мол, удается вам вдевать нитку в иголку, не путать внуков с правнуками?..» Согласитесь, быть одним из старейшин советской эстрады куда труднее. Тут очень важно шагать в ногу с веком, смотреть на жизнь с улыбкой, но серьезно страдать от равнодушия и зла и при всем том оставаться артистом.

Ф. А. Липскеров впервые вышел на сцену сорок пять лет назад, в Театре миниатюр. В тяжелые годы войны руководил фронтовым театром «Огонек»; сегодня он по-прежнему в строю, в высоком звании конферансье.

Конферансье — это хранитель традиций и устных преданий эстрады, крестный отец молодых артистов, дирижер концерта и еще многое другое. И если он говорит, что Татьяна Лебель и Виктор Никольский — одна из лучших танцевальных пар московской эстрады, Федору Александровичу надо верить, тем более, что мы и сами в этом убедились, увидев темпераментный «Чарльстон» и романтическое «Аргентинское танго».

Если в зале стоит рояль, то по закону, сформулированному еще А. П. Чеховым, на нем кто-то должен сыграть. Это и случилось: Сергей Тараненко не только музицировал, но вместе с Галиной Бесединой великолепно исполнил песни М. Таривердиева из кинофильма «Ирония судьбы». Мы также услышали композицию на стихи Сергея Есенина. Бережное прикосновение к лирике поэта, задушевность голоса Галины Бесединой, подчеркнутая звуками гитары, — они не могли не найти благодарного отклика.

Во втором «отделении» Ф. А. Липскеров познакомил нас со своими давними друзьями — фронтовыми артистами, которые не только шли трудными дорогами войны, но стали первыми посланцами советского искусства в странах Европы, освобожденных Советской Армией от фашизма...

Май 1945 года. Чешский город Моравска-Острава. Художник-моменталист Владимир Николаев несколькими быстрыми штрихами рисует карикатуру на Гитлера. А ведь на стенах зданий еще висят приказы германского командования со страшным словом «расстрел». И вдруг на рисунках Николаева — мерзко оскаленный, бессильный фюрер...

Мы же увидели рисунки 1976 года, острые, смешные, сопровождавшиеся стремительными экспромтами.

Оригинальный жанр достойно представили Татьяна Леман и Сергей Русанов, отметившие уже сороковую годовщину творческого содружества. Оригинальный номер — значит не только новый, но единственный в своем роде. Разноцветные платки и букеты исчезали и появлялись так таинственно и так непринужденно, что нам оставалось только изумляться и аплодировать.

Когда говорят: Лев Миров, несдержанные люди сразу добавляют: Марк Новицкий. И правильно. Мы настолько привыкли к этому блистательному дуэту мастеров, вот уже многие годы радующему нас своим искусством, что без них просто не можем представить себе эстраду. Мы рады им, мы любим их. Мы благодарим всех наших гостей за минуты радости, которые они нам подарили на праздник.

В. ВАРЖАПЕТЯН

ДО ВОЙНЫ

Беда еще не грянула. Страна напряженно работала: плавилась в домнах сталь, гудели комбайны на колхозных полях, вырастали детища ударных пятилеток — большие заводы и мощные электростанции... Но предчувствие грядущих испытаний неожиданно прорывалось в скупых газетных строчках, в сообщениях радио о событиях в Западной Европе. О том времени, что обозначаем мы сейчас двумя словами «до войны», повествует в своем романе «Семигорье» костромской писатель Владимир Корнилов.

Действие романа разворачивается в одном из сел северной России, Семигорье, окруженном вековыми лесами, где можно поохотиться, насобирать грибов и ягод, просто побродить по забытым тропкам. Только не часто выпадает героям романа оставаться наедине с лесом. Им просто некогда, хоть и по-крестьянски неспешно живут эти люди — Разуваевы, Гужавины, Петраковы... Люди России. Немало добрых дел сделали они в своей жизни, а сколько еще предстоит! Ведь жизнь —

Владимир Корнилов. Семигорье. М., «Современник», 1976, 432 стр.

Конферансье Ф. Липскеров.

Л. Миров и М. Новицкий.

Художник-моменталист В. Николаев.

Оригинальный жанр: Т. Леман и С. Русанов.

Дуэт — Г. Беседина и С. Тараненко.

Танцуют Т. Лебель и В. Никольский.

она вечна. Умрет человек, а жизнь продолжается!

Героям корниловского произведения мысль о вечности жизни очень близка. Об этом размышляет и старый колхозный пастух Клоков и юный сын директора лесного техникума Алексей Полянин... Но мысли Клокова, умудренного житейским опытом человека, спокойны, уравновешенны: неразрывная связь существует между человеком и землей. Алешке Полянину еще предстоит понять эту истину в холодных военных окопах. Только тогда он станет настоящим человеком, о чем тайно мечтает на страницах своего дневника...

Сложен жизненный путь героев В. Корнилова. Писателя интересуют трудные характеры. Такие, например, как Васенка Гужавина, которой пришлось схоронить свою любовь к достойному человеку и стать матерью ребенка ненавистного ей лесника Красношеина, циника и подонка. По чьей воле не сложилась судьба Васенки? Да, по воле злых людей. Но только ли? А сама она, а возлюбленный ее Макар Разуваев — не оказались ли они ниже своей любви? Они покорились обстоятельствам, а жизнь не любит тех, кто покоряется. Ей больше по душе такие, как героиня семигорских полей трактористка Женька Киселева, как веселая, неунывающая, несмотря на многие невзгоды, Зойка Гужавина.

Произведение В. Корнилова глубоко философское, остро-полемичное. Можно дискутировать по многим проблемам, которые поднимает автор. Писатель сам приглашает к спору. Вот рассказывает он, например, о теории профессора Аминёва, согласно которой все живут ради удовольствия. Профессор в этом видит ключ к разумным поступкам... Но другому герою книги, коммунисту Степанову, теория профессора Аминёва глубоко чужда. Тонкий шрам на лбу — белоказачья мета — лучше всего свидетельствует, за какую теорию сражался этот человек.

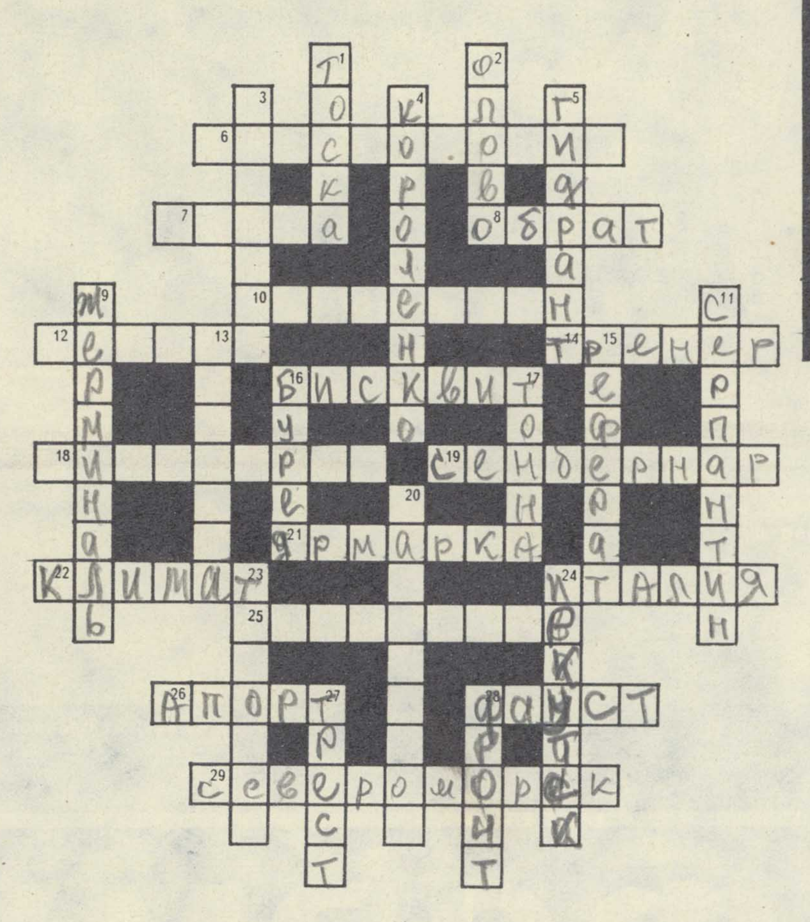
Роман «Семигорье» не лишен недостатков, об этом еще скажут критики. Я о другом... О том, как хорошо, что Владимир Корнилов познакомил нас с людьми тех не столь далеких времен, уже ставших историей, которые мы обозначаем словами «до войны».

Валентина ЛЕВОЧКО

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Рыба семейства карповых. 7. Снасть для укрепления мачты. 8. Обезжиренное молоко. 10. Остров в Балтийском море. 12. Комнатное растение. 14. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 16. Кондитерское изделие. 18. Соразмерность. 19. Порода собак. 21. Ежегодный торг. 22. Многолетний режим погоды. 24. Государство в Европе. 25. Рассказ А. П. Чехова. 26. Сорт яблок. 28. Драматическая поэма Гете. 29. Порт в Кольском заливе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Опера Д. Пуччини. 2. Металл. 3. Французский драматург XVII века. 4. Русский писатель. 5. Водоразборная колонка. 9. Роман Э. Золя. 11. Лента из цветной бумаги. 13. Спутник планеты Нептун. 15. Краткое изложение научной работы. 16. Приток Амура. 17. Метрическая мера массы. 20. Советский актер и режиссер. 23. Стихотворение в восемь строк. 24. Областной центр в РСФСР. 27. Объединение производственных предприятий определенной области. 28. Пьеса А. Е. Корнейчука.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Грамматика. 7. Георгин. 8. Боливар. 9. Хиос. 10. Барограф. 13. Марс. 17. Светлов. 18. Медиана. 19. Стереоскоп. 22. Пиренеи. 23. Гравюра. 24. Арфа. 25. Аристарх. 28. Коза. 31. Штольня. 32. Ильюшин. 33. Свиристель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лариса. 2. Пирога. 3. Герб. 4. Ария. 5. Реторта. 6. Карабин. 9. «Хованщина». 11. Растрелли. 12. Ризосфера. 14. Санитарка. 15. Бобслей. 16. Темпера. 20. «Неофиты». 21. Европий. 26. Ранжир. 27. Рельеф. 29. Плес. 30. Тюль.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва, Белорусский вокзал. Встреча партийно-государственной делегации Польской Народной Республики.

Фото А. Гостева.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Первый снег.
Фото Б. Раскина (Москва. На фотоконкурс.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

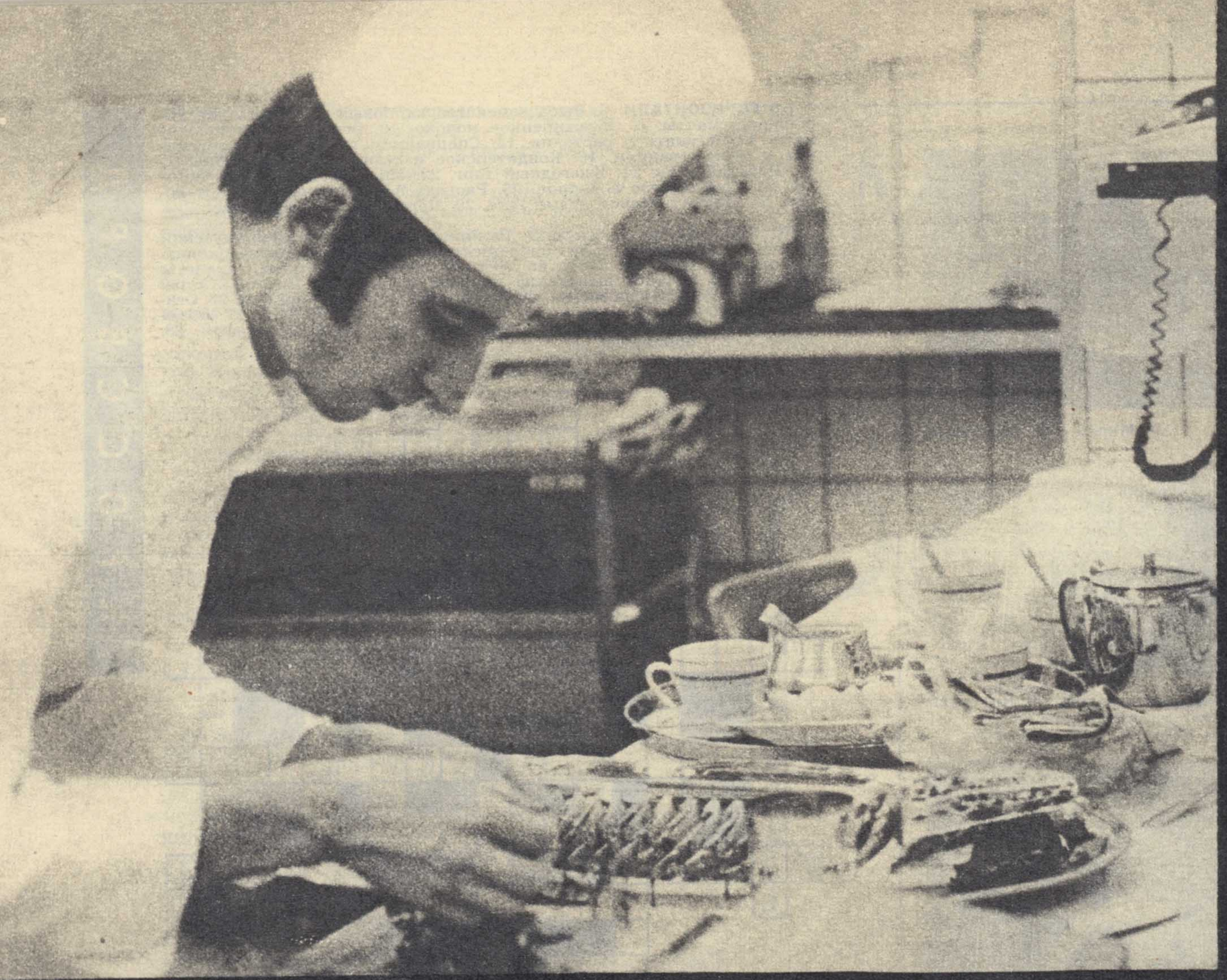
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/X — 1976 г. А 00738. Подп. к печ. 9/XI — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2813. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2938.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Один из лучших поваров смотра, ленинградец Геннадий Петров.

ФОРМУЛА ГОСТЕПРИИМСТВА

К. БАРЫКИН, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

В Будапеште состоялся первый смотр специалистов общественного питания стран — членов СЭВ.

«Примите мои поздравления!» Известный венгерский кулинар, председатель профсоюза поваров и кондитеров Йожеф Венес подошел к руководителю советской делегации Э. А. Мезеновой, начальнику отдела Министерства торговли СССР. Но этому предшествовали пять дней смотра, участники которого соревновались в искусстве гостеприимства.

Здесь надо вернуться немного назад, к совещанию министров внутренней торговли стран — членов СЭВ, которое приняло решение: раз в три года проводить смотр молодых специалистов общественного питания.

...Будапешт сервисом не удивишь. В городе много кафе, ресторанов, кондитерских; здесь умеют встретить гостя, попотчевать его. Высокий стандарт обслуживания — норма, привычная, повседневная норма. С ней свыклись. Но почему же тогда все дни проведения первого международного смотра поваров, кондитеров и официантов в залах, где показывали они свое умение, было так людно! Пожалуй, оттого, что в Будапеште не только привыкли к отличному сервису, но и ценят людей, которые делают его таким. Отсюда и популярность смотра.

«Меньше сладкого!» — советуют диетологи, но далеко не все могут удержаться, увидев аппетитный торт, особенно работы наших литовских мастеров. Кондитеры из Вильнюса Лаймуте Зимблите, Алдона Гадляускайте и Стасе Рукшенайте утром первого дня пришли в кондитерский цех ресторана гостиницы «Дуна-Интерконтиненталь»; здесь им предстояло выпекать торты и печенье. Взглянули на печь и, похоже, немного растерялись — мало общего с той, к которой привыкли у себя дома. Время отпущено небольшое — завтра изделия предстояло показать жюри и посетителям... Когда же я на другой день пришел в демонстрационный зал, то из-за толпы восторженных зрителей никак не мог добраться до того места, где стояли торты. Уважительно посматривали на сласти венгерские кондитеры. Директор отеля Золтан Хорнянски не скрывал: «С удовольствием пригласил бы таких мастеров поработать у нас». Подошел один из старейших кондитеров венгерской столицы, Миклош Роже: «Есть чему поучиться!» Стасе Рукшенайте удивила, похоже, больше всех — она выпекла свой торт, фирменный: «Стася». Он украшен такой кондитерской премудростью, что некоторые специалисты засомневались: сделать этакие цветы возможно ли за часы, отведенные на смотре! «Вы это привезли из Москвы!» — деликатно поинтересовался кто-то. Улыбнулись наши кондитеры, ушли к печам. А когда снова появились в зале, то отыскали сомневающегося, подошли к нему, протянули только что выпеченное украшение.

Великолепно сервированный стол. Иссиня-черный фон, хрусталь, серебро. «Это совершенно новый стиль! — сказал мне директор треста ресторанов одного из районов Будапешта Янош Мурои. — Превосходная работа таллинских официантов!» Отличной оценки заслужили и наши повара. Оригинальность, высокий вкус, отточенное мастерство продемонстрировали молодые рестораторы и из других «команд» — болгарской, венгерской, польской, ГДР, румынской, чехословацкой.

Что показал смотр? Чем выше квалификация повара, официанта, кондитера, тем заметнее стремление к проявлению индивидуальности. Официант не механический посредник между кухней и гостем ресторана, он творец, если это настоящий официант. Мы видели, как красиво, элегантно готовят они коктейли, с каким умением и достоинством угощают...

Я спросил у начальника управления министерства внутренней торговли ВНР Тибора Шиво, успешно ли прошел смотр!

— Сверх ожиданий. Лучше, чем мы могли предположить! Значение подобных профессиональных встреч исключительно велико. Во-первых, такие смотры скажутся на улучшении «угостительской» индустрии в каждой из наших стран. И это не просто фраза. Через несколько лет в Москве состоится Олимпиада-80. Видимо, члены советской конкурсной команды примут в ней участие и помогут своим мастерством спортсменам.

Во-вторых,— и это очень важно отметить — крепнут наши контакты, становятся все более дружескими. И этот вклад смотра невозможно переоценить.

Будапешт — Москва.

Торт «Яунисте» стал сенсацией.

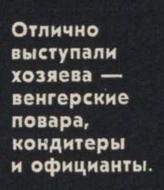
Заседает жюри.

Стасе Рукшенайте приехала в Будапешт из Вильнюса, где она работает кондитером в ресторане «Дайнава».

Официант из Таллина Валерий Федоров (на снимке — в центре) доволен. Он и его товарищи Эрик Лиим и Яак Пыльдма сервировали стол, который вызвал общее одобрение.

Отлично выступали хозяева — венгерские повара, кондитеры и официанты.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663